

РУССКАЯ СПЕЦСЛУЖБА – ИСКУССТВО НЕВОЗМОЖНОГО

ФСБ

**РУССКИЙ
007**

С е р г е й Д о н с к о й

**НА СЕКРЕТНОЙ
СЛУЖБЕ**

Капитан ФСБ Евгений Бондарь

Сергей Донской
На секретной службе

«Автор»

Донской С. Г.

На секретной службе / С. Г. Донской — «Автор», — (Капитан
ФСБ Евгений Бондарь)

Крупная сделка по продаже партии российского оружия на грани срыва. Резидент ЦРУ Сид Штейн, работающий под прикрытием в одном из сопредельных России государств, делает все для этого. И, надо сказать, ему многое удастся, но лишь до тех пор, пока в игру не вступает Евгений Бондарь – офицер-контрразведчик из ФСБ. Этот чертов «русский Бонд» путает все карты резидента. Сид понимает, что, только ликвидировав его, он добьется своей цели. На Бондаря начинается настоящая охота, в которой гибнут... люди Штейна, а русский выкручивается из самых немыслимых переделок... Что ж, пришло время взглянуть ему в глаза. Резидент сам выходит на охоту...

© Донской С. Г.

© Автор

Содержание

I. Птица Феникс завтрашнего дня	5
II. В мире животных	12
III. Работа у нас такая, забота у нас простая...	17
IV. Особенности национальной службы безопасности	26
V. Чужие среди своих	32
VI. Одесский олигарх в натуре	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сергей Донской

На секретной службе

I. Птица Феникс завтрашнего дня

Время летних каникул закончилось, но в Белом доме по-настоящему отдохнувших счастливых не наблюдалось.

Ведущие специалисты работали на износ. Несмотря на совершенную систему кондиционирования, в коридорах власти витал стойкий запах дезодорантов, которыми опрыскивались упарившиеся сотрудники аппарата президента. Сброшенные пиджаки висели на спинках стульев, узлы галстуков были ослаблены, прически взъерошены.

Рассматривался план нанесения военного удара по Ирану, разработанный Пентагоном. Разумеется, цели преследовались самые благородные: свержение диктаторского режима, предотвращение ядерной угрозы, уничтожение оплота международного терроризма. Военная акция должна была стать продолжением народного восстания, организованного Центральным разведывательным управлением. Утверждение соответствующих документов проходило со скрипом, однако дело шло к тому, что пентагоновские «ястребы» получают-таки долгожданную добычу. Очень уж гладко все выглядело на бумаге, очень уж заманчиво и красиво.

Основные удары планировалось нанести с территории дружественной Турции и оккупированного Ирака. Сама по себе операция ничем не отличалась от предыдущих – сперва точечное бомбометание, затем методичное уничтожение того, что еще уцелело, силами наземных войск.

Опытные генералы запасались контейнерами для вывоза сувениров из тегеранских дворцов. Нефтяные компании подсчитывали грядущие прибыли. Военная машина США находилась в полной боевой готовности. Оставалось лишь привести ее в движение. Для этого достаточно было пошевелить пальцем, но пока что руки человека, которому это предстояло сделать, неподвижно лежали на полированной крышке письменного стола.

Человек этот был поджар, спортивен, носил отлично подогнанные костюмы и обладал юношеской порывистостью движений. «Называйте меня по имени, ребята», – предлагал он всем и каждому, хотя охотнее всего откликался на обращение «Господин президент».

Он сидел в овальном кабинете Белого дома спиной к высоким окнам из пятидюймового пуленепробиваемого стекла, прямо под гербом Соединенных Штатов Америки. Вид у него был слегка бледный – то ли от осознания важности момента, то ли по причине легкого расстройства желудка, преследовавшего его в моменты принятия судьбоносных решений.

Всякий раз, когда президент вспоминал об огромной ответственности, лежащей на его плечах, он увеличивался в собственных глазах до титанических масштабов Авраама Линкольна или даже Джорджа Вашингтона. Странное дело, но никто из американских журналистов пока что не додумался до этого лежащего на поверхности сравнения. Почему?

Кожа на лбу президента собралась в мелкую гармошку, но он вовремя спохватился и постарался разгладить морщины. Проклятые карикатуристы и так изошряются вовсю, изображая лидера нации чуть ли не в образе задумчивого шимпанзе. А вот его сходства с Линкольном замечать упорно не желают. Почему бы им не поискать какой-нибудь иной объект для насмешек? Ничего, скоро газетчики заткнутся. Независимая пресса не должна быть чересчур независимой. Все хорошо в меру.

Размышляя об этом, президент постарался сосредоточиться на лежащем перед ним документе. Присутствующие хранили почтительное молчание. Было их двое. Справа от президента

расположился советник по национальной безопасности. Слева сидел госсекретарь США. Оба терпеливо ждали, когда президент ознакомится с секретным меморандумом.

Деваться было некуда. Не замечая, что его лоб снова избороздили продольные морщины, президент сфокусировал взгляд на шапке документа:

Государственный департамент США,
Вашингтон, федеральный округ Колумбия, 20520.
Меморандум группы политической разведки и анализа.
Тема: Предотвращение усиления военной мощи Ирана.
Степень секретности: только личное ознакомление.

Так, с этим все ясно. Ведя указательным пальцем по строчкам текста, президент стал вникать в смысл первого абзаца.

Как известно, номинальным главой Ирана является президент Мохаммед Хатами, хотя все его действия подчинены верховному духовному лидеру аятолле Хамени. Выступая в парламенте, аятолла Хамени неоднократно подчеркивал, что народ Ирана будет отстаивать интересы ислама и бороться с его врагами, в первую очередь с Соединенными Штатами Америки. В своих обращениях к нации Али Хамени назвал наши действия в Ираке «новым фашизмом» и сравнил президента США с Адольфом Гитлером...

– Что за чушь вы мне подсунули? – возмутился президент, тыча пальцем в страницу. – Гитлер! Дерьмо собачье! Верните меморандум аналитикам, пусть они смягчат формулировку. Это исторический документ, будь он проклят. Моя фамилия не должна ассоциироваться с фашизмом.

– В самое ближайшее время текст будет исправлен в соответствии с вашими указаниями, – пообещал и тут же забыл о своем обещании госсекретарь. – Но мы хотим донести до вас смысл проблемы прямо сейчас. Зачем разводить бюрократию?

– Вот именно, бюрократия нам ни к чему, – поддакнул советник, на прием к которому приходилось записываться чуть ли не за две недели вперед, причем без всякой гарантии, что аудиенция состоится.

Одарив помощников подозрительным взглядом, президент вновь углубился в чтение.

С учетом ошибок вторжения в Ирак мы самым тщательным образом изучили состояние армии, находящейся в распоряжении аятоллы Хамени. Выводы экспертов рисуют весьма тревожную картину.

Долгое время было принято считать, что иранская военная машина не способна противостоять Вооруженным силам США. Это ошибочное мнение. Напротив, в Иране осуществляется невиданная по своим масштабам программа перевооружения. Приходится констатировать, что Иран стремительно набирает военную мощь и намеревается противостоять надвигающейся угрозе вторжения...

– Ох уж эти аналитики, – покачал головой президент.

Вооружившись черным фломастером, он вымарал слово «вторжение» и заменил его «демократией». Госсекретарь и советник переглянулись, одновременно подумав, что в такой интерпретации фраза приобрела довольно странный смысл. Надвигающаяся угроза демократии, надо же!

* * *

Президент незаметно перелистнул сразу две страницы.

Если бы в Иране господствовал разумный и гуманный режим, то и в этом случае наши перспективы были бы весьма туманными. К сожалению, ситуация осложняется тем обстоятельством, что Ираном единолично управляет аятолла Хамени, который обладает всеми бесспорными симптомами по меньшей мере двух психических заболеваний: мании величия и паранойи. Свержение его диктаторского режима в Иране теперь становится не самоцелью, а лишь оправданием новой политики Америки...

Так, еще одну страницу долой!

Гораздо большую тревогу вызывает другой аспект военных приготовлений Ирана: создание системы противовоздушной обороны, способной противостоять не только авиации, но и баллистическим ракетам как среднего радиуса действия, так и дальнего.

Очевидно, что если не помешать Ирану приобретать и осваивать современные средства противовоздушной обороны, то в ближайшее время мы столкнемся там с упорным сопротивлением, препятствующим свержению Хамени.

В свете изложенных выше фактов вся политика Америки подлежит радикальному изменению. Ее первоочередной целью является уничтожение иранской военной машины, и особенно средств ПВО. Никакие обвинения в гитлеризме не должны удерживать президента от самых решительных и незамедлительных шагов...

– Опять гитлеризм, будь он проклят! – воскликнул президент. – Мне это решительно не нравится, господа.

Ему не хотелось войти в историю с клеймом разжигателя войны. Достаточно того, что на антивоенных демонстрациях таскают его портреты, украшенные фашистскими свастиками. Не хватало еще, чтобы президенту напоминали об этом в Белом доме!

– Это лишь преамбула, – примирительно произнес советник. – Суть не в этом.

– Тогда изложите мне эту проклятую суть, – потребовал президент, отбрасывая мемуары. – Кто-нибудь из присутствующих в состоянии сделать это?

– Конечно, господин президент. – Голова госсекретаря почтительно склонилась.

Он подозревал, что лидер нации не способен воспринимать тексты более сложные, чем те, которыми зачитывался в пору своего детского увлечения комиксами. Он подозревал также, что это увлечение сохранилось за ним по сей день, но, разумеется, не собирался высказывать свою догадку вслух. Свобода слова зиждется не на умении болтать языком все, что взбредет голову. Настоящая свобода состоит в том, что умный человек волен говорить лишь то, что ему выгодно.

Госсекретарь был умен и свою выгоду не упускал.

Посверкивая стеклами очков, он заговорил. Иногда ему вторил советник, а иногда даже перебивал докладчика, но суть проблемы не становилась от этого менее ясной.

По словам соратников президента, достижению господства США на Ближнем Востоке по-прежнему мешала Россия. Действуя неофициально, через десятки посреднических фирм, она намеревалась снабдить Иран современными комплексами противовоздушной обороны, способными воспрепятствовать успешным бомбежкам страны.

В качестве примера была приведена известная российская фирма «Оборона», освоившая выпуск новой зенитно-ракетной системы скрытного функционирования.

– Она называется «Феникс», – уточнил советник. – Согласно древним преданиям, это птица, возрождающаяся из пепла...

– Любопытно, очень любопытно, – оживился президент. – Никогда не слышал о такой птице. *Феликс*, гм...

– Феникс, господин президент.

– Я и говорю: Феникс. Удивительная птица, просто удивительная. Она действительно способна воскресать после того, как ее сжигают?

Советник тонко улыбнулся:

– Во всяком случае, шумеры верили в это.

– Шумеры, шумеры... – Морщины на президентском челе приумножились и углубились. – Какие-нибудь азиаты, верно? Что-то вроде шиитов?

– Не совсем так, но доля истины в ваших словах есть.

Президент не удержался от самодовольной усмешки:

– И что же шумеры? Они поддерживают нашу политику на Ближнем Востоке?

– Это очень сложный вопрос, – произнес госсекретарь с натянутой улыбкой. – Давайте лучше вернемся к Ирану, вооружающемуся русскими ракетами.

– Да, да, – помрачнел президент. – Итак, эти ракеты, будь они прокляты, называются «Феникс».

– Совершенно верно, господин президент. Эти системы малой и сверхмалой дальности предназначены для уничтожения воздушных целей.

– Каких именно целей?

– Любых, господин президент.

– В том числе наших самолетов?

– Совершенно верно.

– Ага! – воскликнул президент, и в маленьких его глазках отразилась нешуточная тревога. – Продолжайте, пожалуйста.

– Установки уже применялись противником в Ираке и на Балканах, – напомнил советник. – Наши сбитые «Фантомы» – их работа. Помните, сколько их было на самом деле?

– Лучше доложите, сколько «Фениксов» было уничтожено *нами*, – распорядился президент. – Я хочу знать точные цифры, будь они прокляты.

Взгляды помощников опустились.

– Таких цифр нет, – признался советник.

– Так затребуйте их!

– Цифр нет потому, что ни одной установки мы не уничтожили, – признался советник. – Они не производят излучения и не могут быть засечены авиацией.

– Не с проклятыми же невидимками мы имеем дело! – Президент посмотрел сначала на одного помощника, потом на другого, ожидая, что кто-нибудь из них его разубедит.

Этого не произошло.

* * *

– Существующими средствами радиоэлектронной разведки обнаружить русские ракеты невозможно, – вздохнул советник. – Специалисты считают «Фениксы» неуязвимыми.

Голос президента дрогнул:

– Скверно. Очень скверно.

– И это еще не все, – подключился госсекретарь. – Русские модернизировали свои зенитно-ракетные комплексы «Сатана» и «Печора».

Президент наморщил лоб:

– Satana? Pieschoga? Звучит совершенно по-дикарски.

– Зато действует на основе самых современных разработок. Раньше пусковая установка «Печора» была стационарной, а теперь способна перемещаться с места на место.

- Каким образом? – осведомился президент.
- На грузовиках.
- Вот как?

Глаза президента заблестели. Возможно, он уже представлял себе бравого Рэмбо, прокалывающего шины вражеских грузовиков под покровом ночи. Но советник для того и существовал, чтобы вовремя опускать своего босса на землю.

– Недавно в России, – сказал он, – были проведены успешные испытания всех перечисленных установок. На стрельбах присутствовали представители Тегерана. Они готовы подписать контракты на закупку систем ПВО.

– Мы должны воспрепятствовать этому, – решительно заявил президент. – Почему не сделано официальное заявление по этому поводу? Необходимо выразить протест, будь он проклят. Незамедлительно. – Президент сделал энергичную отмашку рукой, показывая, как, по его мнению, это будет выглядеть в глазах общественности.

Госсекретарь покачал головой:

– Протест ничего не даст. Сделки осуществляются не на государственном уровне. Комплексы приобретаются и перепродаются частными фирмами, зарегистрированными за пределами России. Поставляться они будут тоже частным лицам, но уже иранским.

– Да это же заговор! – возмутился президент. – Нечестная игра, будь она проклята!

Даже после стольких лет пребывания у власти он пребывал в уверенности, что сам ведет исключительно честную игру. Святая наивность! На лицах помощников промелькнули одинаковые иронические улыбки, исчезнувшие, впрочем, как только оба воскликнули в один голос:

– Конечно!

– Кремль всегда нарушает правила, – добавил госсекретарь.

– Но в конечном итоге выигрываем все-таки мы, – торжественно произнес советник.

– Прошу высказать свои соображения по этому поводу, – сказал президент, переводя взгляд с одного советника на другого. Его глаза выжидающе прищурились. Словно президент давно нашел решение проблемы и теперь хотел проверить, насколько сообразительными окажутся его помощники.

– Могу ли я попросить вас дочитать меморандум до конца? – мягко сказал госсекретарь.

– Так ли это необходимо? – нахмурился президент, перелистывая бумаги. Насчитав не менее двадцати страниц текста, он едва сдержался от желания скомкать меморандум и отшвырнуть его прочь. Эти кретины воображают, что президент Соединенных Штатов может позволить себе тратить уйму времени на чтение бесполезных бумажек! Действовать и еще раз действовать – вот лозунг настоящего лидера нации.

– Только последнюю страницу, – произнес госсекретарь еще более увещающим тоном. Будто с капризным ребенком разговаривал.

– Что там, на этой последней странице? – смягчился президент.

– Выводы, – пояснил советник. – Резюме.

– Ладно, взгляну на ваши проклятые выводы.

– Это выводы аналитиков, – счел нужным уточнить госсекретарь, но президент уже его не слушал, вперившись взглядом в идеально ровные строчки текста.

* * *

Исходя из вышеизложенного, отныне политика США, осуществляемая в тесном союзе с нашими британскими друзьями, должна быть направлена на достижение следующих трех целей:

а) делать вид, что США приветствуют любой мирный план, который мог бы помочь Ирану выйти из политического кризиса и в то же время фактически проваливать все такие планы;

б) насколько это в наших силах, подбрасывать иранским властям провокационные аргументы и доводы, имеющие своей целью заставить Хамени отказаться от закупок российских комплексов ПВО. Производить аналогичные действия в России, компрометируя иранских партнеров;

с) выдвигать посредническим фирмам, торгующим оружием, любые коммерческие предложения, которые могли бы заставить их отказаться от намеченных сделок. В тех случаях, когда компромисс не может быть достигнут, принимать меры по ликвидации таких фирм и их руководителей. Меры должны приниматься самые решительные, поскольку они будут направлены на ослабление иранской военной машины.

Закончив чтение, президент с видимым облегчением отложил меморандум.

– Это все? – спросил он.

– Да, сэр, – откликнулись помощники одновременно, после чего продолжал говорить только госсекретарь:

– Материалы, которые только что поступили из Лондона, свидетельствуют о том, что англичане пришли к аналогичным выводам.

– На британского премьера всегда можно положиться, будь он проклят, – заулыбался президент. – Отличный парень. И такой спортивный.

– Гм, – кашлянул госсекретарь, возвращая президента на землю. – При всех своих достоинствах он не в состоянии помешать Хамени обзавестись «Печорами» и «Фениксами».

– А кто может помешать? – Маленькие глазки президента уставились на госсекретаря. – Может быть, вы? – Его взгляд переметнулся на советника. – Или вы?

Он утвердительно кивнул:

– Да, мы позаботимся об этом.

– Если вы утвердите наш план, – поспешил добавить госсекретарь. – Главный камень преткновения – российские противовоздушные установки. Сорвав их поставки в Иран, мы сохраним полное превосходство в воздухе. Война будет молниеносной.

– Вы в этом уверены?

В президентском голосе прозвучала неподдельная тревога. Не так давно он впервые увидел эти ужасные наглухо застегнутые мешки с телами погибших, прибывавшие из Ирака, и он знал, что еще немало таких мешков хранится сейчас под беспощадным багдадским солнцем в контейнерах без надписей. Ему также пришлось лично присутствовать на нескольких похоронах, выражая соболезнования родственникам погибших солдат, и мысль о новых опытах подобного рода была ему противна.

– Кто может поручиться за правдивость ваших проклятых слов? – спросил он.

– Мы полагаем, что без ПВО Иран не способен оказать серьезное сопротивление, господин президент. – Рассуждая вслух, госсекретарь взялся протирать стеклышки своих очков. – Я только что беседовал с командующим наших воздушных сил. Генерал Хорнер утверждает, что ему понадобится тридцать пять дней непрерывных воздушных налетов. К десятому дню ни один иранский самолет не оторвется от земли больше чем на шестьдесят секунд. Он говорит, что отвечает за свои слова и может поклясться погонами. – Госсекретарь водрузил очки на переносицу и уставился на президента. – Что касается наземных сражений, то у Ирана вряд ли имеются большие запасы снарядов для артиллерии и танков. Их дальность не превышает девятнадцать миль. Нам известно, что снаряды уже доставлены передовым частям, но при такой малой дальности все орудия будут располагаться в пустыне, без какой-либо маскировки. Наши летчики уверены, что они обнаружат и уничтожат их.

– Таким образом, без русских ПВО Хамени обречен?

– Как младенец, брошенный на съедение койотам, господин президент, – наклонил голову госсекретарь.

– Звучит оптимистично. Мне нравится это сравнение, будь оно проклято!

Президент встал, повернулся и поднял голову. С герба на него смотрел орел, сжимающий в когтях пучок стрел.

– Пусть ЦРУ займется русскими поставщиками комплексов ПВО, – промолвил президент, переведя взгляд на помощников. – И пусть они действуют решительно. Во имя господ нашего Иисуса Христа и демократии. Боже, храни Америку!

Произнося эти слова, президент напыжился на манер орла за своей спиной. А по окончании тирады сжал руку в кулак, будто держал пучок невидимых стрел, которыми собирался разить врагов своей великой державы.

На самом деле его рука была пуста.

II. В мире животных

Одесса цвела и пахла, утопая в зелени и сточных канавах. Канализация не успевала сливаться в море, растекаясь по улицам. Зато с питьевой водой случались перебои. Краны повадились перекрывать с сентября, как только сократилось поголовье отдыхающих. Горячую воду давали исключительно по выходным, а желающих помыться было столько, что жителям верхних этажей приходилось греть воду в баках и кастрюлях. Не слишком приятная процедура, учитывая регулярные отключения света на несколько часов.

Погружение целых районов во мрак происходило столь неожиданно, что намыленные граждане частенько попадали в нелепые, курьезные, а то и просто опасные ситуации. Чересчур суетливые оказывались в травматологических пунктах, старики пугались до потери пульса, дети поднимали рев, мужья порывались тереть спины чужим женам, собственные жены грозили надраить им морды.

Ввиду такой неразберихи многие приучались обходиться без вечернего купания, укладываясь спать с наступлением сумерек. Деторождаемость в городе от этого не повысилась. Недостаточно чистые и разобиженные на городские власти одесситы совокуплялись реже, чем того хотелось бы демографам. Даже проводя в постели чуть ли не треть суток.

Кто сказал, что темнота – друг молодежи? Какой-нибудь старый пень, который уж и позабыл, с какой стороны у него расстегиваются штаны. Секс без света – все равно что танцы без музыки. В принципе, получается то же самое, да только настоящего куража нет. Растрачивание сил и энергии впустую.

ТЬфу! Макс, вспомнивший вчерашнее свидание, не удержался от плевка. На столе тускло мерцает свечной огарок, красotka Неля неграциозно раскорячилась над эмалированным тазом, громко журчит то ли вода из ковшика, то ли что-то другое. А за тонкой перегородкой раздается пьяный храп Нелиного папаши, просыпающегося лишь для того, чтобы опохмелиться, и засыпающего только тогда, когда пить больше нечего. Еще та романтика! И ради столь сомнительного удовольствия стоило обхаживать Нелю чуть ли не полторы недели? Водить ее по кабакам, дарить цветы и шедевры одесской парфюмерии с заграничными названиями? Деньги, выброшенные на ветер, – вот как это называется по-русски. Money for nothing, выражаясь более современным языком.

Раздраженно захлопнув дверцу своего выдавшего виды «Форда-мустанга», Макс пересек улицу и приблизился к веренице уличных торговцев, расположившихся в закутке между ларьками и чугунной оградой рынка. Тут торговали всякой живностью: квелыми рыбками в банках, волнистыми попугайчиками, блохастыми щенками, морскими свинками, белыми крысами. Весь этот зоопарк пищал, чирикал, поскуливал. Но еще громче гомонили продавцы, стремящиеся навязать Максу свой сомнительный товар.

Перед его глазами возникла пара поднятых за шкирки котят, серый и черный. Он подергал их за усы, подул в мордочки. Сонные крохи реагировали вяло, и Макс насупился. Он не был уверен, что это подходящий выбор.

– По полтинничку каждый, – заискивающе сказала хозяйка, толстая баба с отекившим лицом и тумбообразными ногами. – Вы только поглядите, какая прелесть!

Такие перезрелые толстухи в Одессе встречались на каждом шагу, хотя хорошеньких женщин тоже хватало, даже близ пропахшего рыбой Привоза. В этом южном городе, как в Греции, имелось все. Кроме горячей воды и свободной наличности, как мысленно отметил Макс, прежде чем язвительно осведомиться:

– Не много ли просите за своих кабанчиков?

– Какие кабанчики, – обиделась баба, – я продаю котят, чем вы только слушаете!

– Я слушаю правильно, я слушаю цену, которую вы мне назвали. Котят не могут столько стоить.

– Это же чистопородные персы!

– Да хоть французы.

– Ладно, червонец сбрасываю. Устраивает?

Нет, подумал Макс, не устраивает. Котят еще слепые совсем, слабенькие, толку от них немного.

Он ткнул пальцем в корзинку, стоящую на асфальте:

– А там кто? Надеюсь, не телята?

– Цуцики, – с гордостью поведала сухопарая тетка, которой принадлежала корзина. – Вы кобельками интересуетесь или, прошу прощения, сучками?

– Сучки по Дерибасовской гуляют, – угрюмо заметил ее сосед справа, жилистый мужик с глазами недоопохмелившегося алкоголика. – Рупь – штучка, десять – кучка. Пользуйся – не хочу. Хоть с проглотом, хоть с тройным поворотом.

– Уй, какой специалист выискался! – фыркнула тетка. Это было произнесено именно тем тоном, каким должны разговаривать жены недоопохмелившихся алкоголиков. Жены, твердо знающие, что рано или поздно их мужа свою норму выполнят и перевыполнят. Носящие свои синяки, как боевые награды. Вроде бы смирившиеся со своей долей, но тем не менее опасные, как тот крысиный яд, который у них всегда наготове.

– Не вмешивайся в чужой разговор, Венерка, – строго предупредил муж.

– А ты, Яшка, не суй свой нос, куда тебя не просят, – парировала жена. – Ты же суешь нос буквально куда попало! Когда я была молодой, мне это нравилось, но теперь это просто неприлично.

Мысленно пожелав словоохотливой чете помереть в один день и как можно скорее, Макс полюбовался щенячьим выводком, поднесенным к его носу. Из корзины нестерпимо воняло собачьим дерьмом и почему-то селедкой.

– Миленькие, правда? – спросила тетка, вороша щенков красной, будто ошпаренной пятерней.

Макс отодвинул корзину подальше:

– Сколько вы за них хотите?

– Это чистопородные ризеншнауцеры, – привычно соврала тетка.

– Сколько хотите? – сухо повторил Макс.

– Когда у человека есть собака, человеку живется легче, – философски заметил ее муж. – Всегда есть, кому сказать: «Закрой пасть и не гавкай».

– Сколько? – рявкнул потерявший терпение Макс.

Как и все в Одессе, он говорил исключительно по-русски, но без характерного акцента, свойственного местным жителям. Будучи потомственным хохлом, Макс ненавидел все украинское, впрочем, все русское он ненавидел тоже. Городом его мечты являлся Нью-Йорк, в котором он ни разу не был. На его загорелой груди красовался медальон в виде серебряного доллара. Расстегнутая на три пуговицы рубаша смахивала на гавайскую. Прилизанные черные волосы блестели, как у заправского голливудского сутенера, претендующего на главную роль в фильме категории «Б».

Вдоволь налюбовавшись его щегольскими косыми бачками, тетка, наконец, приняла решение.

– Триста пятьдесят гривен за обоих, – заявила она.

Проторчав у входа на рынок с раннего утра до позднего вечера, эта дура решила, что поймала удачу за хвост. Но просчиталась. Не на того напала.

Макс не собирался платить такие сумасшедшие деньги за пару поганных щенков, даже если бы к ним прилагалась самая древняя в мире родословная. Он прекрасно обходился без

четвероногих друзей. Двunoгих у него тоже не было. О Нью-Йорке лучше мечтать в одиночку – дешевле выходит.

– Ишь, губы раскатала, – проворчал Макс и пошел прочь.

В тот момент, когда он приготовился сесть в свой старый черный «Мустанг», опомнившаяся тетка крикнула:

– Сто за одного!

– Не смейся народ.

– За обоих!

– Да подавись ты своими *ризенищицелями*...

* * *

Витиевато выругавшись, Макс тронул машину с места и покатил куда глаза глядят. Он ехал осторожно, памятуя о бесшабашных одесских таксистах и вагоновожатых, повально страдающих дальтонизмом, усугубленным куриной слепотой. К тому же колеса «Форда» то и дело выскакивали на булыжные мостовые, пересекающие главную магистраль, и тогда в салоне начиналась зубодробительная болтанка. Отслужившую свое колымагу давно было пора менять на что-нибудь более приличное, но деньги еще только предстояло заработать. Вместе с видом на счастливое американское жительство.

– Если они и после этого не выдадут мне грин-кард, – пробормотал Макс, – то я... то я не знаю, что сделаю...

Он действительно не знал. Да и что он мог, жалкий неудачник без роду, без племени? Ни богатых родственников, ни солидных связей – Макс болтался по жизни, как его серебряный медальон на цепочке. Зато прилежно изучал английский, надеясь в скором будущем поприветствовать новых соотечественников на их родном языке.

«Хай. Май нэйм из Макс. Глэд ту си ю, диэр фрэндз».

Попрактиковавшись немного, Макс включил радио. Мощные динамики с готовностью выдали лихой рок-н-ролльный мотивчик:

Чем ниже падешь, тем выше взлетишь.

Чем выше взлетишь, тем ниже падешь.

Судя по дребезжащему голосу вокалиста, тот свое давно отлетал-отпадал. Макс заставил его заткнуться на полуслове и насупился, вглядываясь в сумерки. Времени осталось в обрез. Хоть бери и лови кошек голыми руками. Или собак. Интересно, куда это запропастилась вся бродячая живность? Специально попряталась, Максу назло? Или же у мурок с бобиками существует свой комендантский час?

На середине этих размышлений «Форд» взвизгнул, выражая тем самым свое негодование по поводу чересчур резкого нажатия на тормоза. Макс подался вперед. Его внимание было приковано к старому фотографу, бредущему вдоль Итальянского бульвара с понурой мартышкой на плече. Патлы, точно у заправского хиппи, фигура и походка, как у узника Бухенвальда. Пенсионер, недобитый реформами. Ходячий пережиток тоталитаризма.

– И когда вы уже передохнете? – прошептал Макс, утапливая педаль газа.

Колеса «Форда» завизжали снова – на этот раз, бешено прокрутившись, прежде чем сорваться с места. Поравнявшись со стариком, Макс высунулся в окно и, не отпуская руль, схватил поводок, свисающий с шеи мартышки чуть ли не до земли. Сдернутый с хозяйского плеча, зверек заверещал, продолжая сжимать в лапах кукурузный початок. Так, вместе со своим сокровищем, и был втянут внутрь несущегося в направлении моря автомобиля.

Закрыв окно, Макс пристроил притихшую мартышку на пассажирское сиденье и посмотрел в зеркало заднего вида. Там подпрыгивала и раскачивалась стремительно уменьшающаяся фигурка старика. Вот умора! Этот старый хрен с подагрическими коленками пытался догнать автомобиль!

– Твой хозяин просто марафонец какой-то, – сказал Макс мартышке. – Это он в тебя такой прыткий?

Мартышка оскалила желтые клыки и попыталась цапнуть поднесенную к ее мордочке руку. Тогда вместо того, чтобы погладить злобную тварь, Макс ударил ее кулаком по голове и повернул налево, объезжая Театр музкомедии. Потом вправо, еще раз вправо и опять налево. Теперь «Форд» медленно катил по приморской улице Отрадная. Летом здесь бывало многолюдно, но осенью народ предпочитал валяться дома на диванах, а не на пляжах.

От моря тянуло сыростью. Спускающийся к нему «Форд» скрипел и раскачивался на колдобинах кривого переулочка. Расположенные по обе его стороны пансионаты давно опустели. О том, какая бурная жизнь происходила здесь еще какую-то неделю назад, свидетельствовали разбросанные повсюду бутылки и жестянки. Использованных презервативов валялось лишь немногим меньше, чем пробок, а окурков было столько, что впору налаживать производство табачных изделий.

Прибрежная площадка, на которой остановился Макс, недавно служила стратегической точкой для торговцев напитками, мороженым и шашлыками. Теперь тут гулял ветер да шуршали обрывки газет и полиэтилена. Обгоревший мангал напоминал подбитый танк, а рваные женские трусы, свисающие с него, – белый флаг, выброшенный неизвестно кем, неизвестно на какой минуте сопротивления. Полная капитуляция. Еще несколько дней, и осень вступит в свои права.

Неизбежная, как смерть.

* * *

– Ну что, резус-макака, – ласково спросил Макс у ощерившейся мартышки, – скучаешь небось по жарким странам?

Вместо изъявлений благодарности мартышка твякнула и попыталась цапнуть его за палец. Пришлось приподнять ее на поводке и как следует встряхнуть, чтобы помнила свое место. Затем Макс заглушил мотор и, удерживая барахтающееся мохнатое тельце на весу, выбрался наружу. Окинул критическим взглядом окрестности. Ни души. Но даже если кто-то заметит приткнувшийся на площадке автомобиль, то ничего страшного. Мало ли в Одессе любителей секса на колесах?

Как в том анекдоте, когда водитель мчащейся на полной скорости машины левой рукой держится за руль, а правой шарит под юбкой пассажирки. «Эй, – кричит она, – что вы делаете, мужчина? Немедленно возьмитесь двумя руками!» – «С ума сошла, – возмущается водитель. – И как же я тогда буду править?»

Ухмыльнувшись, Макс отнес мартышку подальше, опустил ее на землю и обмотал конец поводка вокруг ржавой ножки мангала. Зверек неистово вырывался, но был слишком слаб, чтобы убежать. Издаваемые им вопли действовали Максиму на нервы.

Вернувшись к автомобилю, он взял с заднего сиденья барсетку и открыл ее. Достал оттуда три металлические трубки толщиной с палец. Соединенные между собой винтовой резьбой, они образовали металлический стержень длиной сантиметров двадцать. Завершив сборку, Макс с бесконечными предосторожностями вынул из обложенной ватой коробочки стеклянную ампулу и вставил её в отверстие трубки. На конце трубки был вмонтирован курок. При нажатии на него приводился в движение ударник, разбивающий ампулу и высвобождающий поршень, который выбрасывал содержимое ампулы наружу. Макс еще ни разу не пользовался

этим оружием и, честно говоря, побаивался безобидной на вид штуковины. Во рту у него скопилась обильная слюна, которую приходилось постоянно сплевывать под ноги.

Не выпуская трубку, он вынул из нагрудного кармана рубахи крошечную пилюлю и положил ее на язык. Это был атропин, употребляющийся обычно в качестве болеутоляющего средства. Но у Макса ничего не болело. Молодой мужчина в расцвете сил, он просто принимал необходимые меры предосторожности. Не приведи господь что-нибудь перепутать. Тогда сам окажешься на месте безмозглой мартышки.

– Чем выше взлетишь, тем ниже падешь, – пропел Макс, приблизившись к жертве на расстояние вытянутой руки. – Чем ниже падешь, тем выше взлетишь...

Он снова сплюнул и прицелился. Мартышка, как завороченная, уставилась в направленную на нее трубку и замерла.

– Умница, – сказал Макс и спустил курок.

Клац! Это было похоже на щелчок игрушечного пистолета. Мартышка тоненько заскулила, уронила головку на тщедушную грудь и завалилась на бок, судорожно открывая и закрывая пасть. Точно ребенок, которого внезапно сморил сон.

Мохнатое тельце еще вздрагивало, когда опомнившийся Макс метнулся к машине. Схватив трясущимися руками барсетку, он достал оттуда ампулу с противоядием, которое следовало принимать после каждого использования пневматического оружия. Он так нервничал, что уронил ампулу на пол «Форда» и едва нашел ее на ощупь. К счастью, склянка не разбилась. Постанывая от нетерпения, Макс отломил острый кончик ампулы и вылил ее содержимое на язык.

– Ух-х...

Бесцветная жидкость имела горьковатый привкус. Нитрат амила. В сочетании с принятым перед выстрелом атропином снадобье полностью исключало смертельный исход. Для стрелявшего, разумеется. У жертвы никаких шансов выжить не было. Выброшенная из трубки синильная кислота убивала наверняка, причем не оставляя никаких следов насилия. Мгновенная закупорка кровеносных сосудов, и пишите письма с того света. Главное – приблизиться к жертве на расстояние полуметра, остальное – дело техники.

Макс швырнул склянку из-под нитрата амила на землю и раздавил ее подошвой. Окинул прощальным взглядом бездыханный трупик мартышки. Уселся за руль, включил зажигание, выполнил элегантный разворот на посыпанной гравием площадке, щелкнул клавишей приемника.

Радиодевочки с готовностью затянули свое бесшабашное: «Мы посмотрим, ху из ху, ху из ху, ху из ху...» Камешки захрустели под колесами, как косточки маленьких обезьянок, к которым Макс не испытывал ни любви, ни ненависти. Эмоции лучше приберечь на потом, когда он очутится в Нью-Йорке с набором кредитных карточек в специальном отделении портмоне. А пока что нужно просто выполнять свою работу и не забывать вовремя принимать атропин и нитрат амила. Остальное приложится.

III. Работа у нас такая, забота у нас простая...

Летучая мышь пронеслась у самого носа Макса, едва не задев его крылом. Он передернулся. В детстве ему рассказывали, что эти твари – бывшие ласточки, заколдованные злым волшебником. Выследят загулявшего допоздна мальчика и вцепятся ему в волосы, не оторвешь. А зубы у них острые-острые, как иголки...

Опасливо поглядывая на ночное небо, Макс переступил с ноги на ногу. В злых волшебников он давно не верил, но летучие мыши внушали ему суеверный ужас. Карликовые химеры, прикидывающиеся слепыми, чтобы усыпить бдительность своих жертв. И зачем только Господь создал этих уродин? Мало ему было обычных пернатых?

Размышления Макса были прерваны неожиданным скрипом. Это распахнулась дверь подъезда, выпуская наружу высокую мужскую фигуру в белых штанах. Некоторое время штаны оставались неподвижными, потом, шурша, тронулись с места.

Макс быстро осмотрелся. В маленьком дворике никого не было. Лишь некоторые окна расположенных буквой «П» домов желтели электрическим светом. Большинство же оконных проемов оставались темными или озарялись голубоватыми всполохами включенных телевизоров. Только последний идиот потащится на улицу в столь поздний час, решил Макс. Такой, как Тарас Пинчук, двадцатилетний оболтус, ведущий ночной образ жизни. Дома ему, видите ли, не сидится. Молодой бандит, что с него возьмешь. Апломб – вагон и маленькая тележка, а жизненного опыта – с гулькинос.

Дождавшись, пока белые штаны Тараса удалятся на пару десятков метров, Макс вышел из тени платана и, постепенно наращивая темп, двинулся следом. Его ноги, обутые в мокасины, ступали по асфальту беззвучно. Под языком медленно таяла заблаговременно сунутая туда таблетка. Бумажный кулек, сжимаемый правой рукой, выглядел совершенно безобидно. Может быть, человек креветок на ходу кушает. А может быть, подсолнухи или арахис. Губы Макса, тронутые мимолетной усмешкой, дрогнули и снова вытянулись в прямую линию. Его мокасины все ускоряли и ускоряли ход.

Тарас, привычки которого были тщательно отслежены и изучены, направлялся к веренице гаражей, в одном из которых стоял его толстозадый «Бьюик». Шикарная тачка. В Одессе-маме таких раз-два и обчелся. «Новому владельцу «Бьюика» можно только позавидовать, а он очень скоро появится – новый владелец», – сказал себе Макс.

Шагающих друг за другом мужчин разделяли каких-нибудь три шага.

– Пчхи!

Резкий звук заставил Макса шарахнуться в сторону.

Почувствовав движение за своей спиной, Тарас обернулся. Его нос блестел в лунном свете. Округлившись глаза казались двумя дырами.

– Э-э-пчхи! – вырвалось из него снова.

– Насморк? – участливо спросил Макс. Теперь он был совершенно спокоен, вот только сердце колотилось с такой силой, словно намеревалось проломить грудную клетку и вывалиться наружу.

– Тебе оно надо? – угрожающе спросил Тарас, вытирая верхнюю губу рукавом рубахи.

Перстни на его пальцах образовывали нечто вроде кастета. Если схлопотать таким кулаком по физиономии, мало не покажется. Если же удар придется в висок, то вообще ничего не покажется. Мгновенно отключишься и вряд ли очухаешься снова.

Макс дружелюбно осклабился:

– Есть отличное лекарство...

Перстни, унизывающие пальцы Тараса, стиснутые в кулак, неприятно заскрежетали:

– Какое, на хрен, лекарство?

– Очень эффективное. – Макс шагнул вперед, вытянув перед собой сверток. – Взгляни.

– Что там у тебя? – проворчал Тарас, готовясь в любой момент отразить нападение. Кулак с перстнями поднялся на уровень плеча. Вторая рука нырнула под выпростанную рубаху, явно нащупывая там рукоять пистолета.

Макс вскинул брови и улыбнулся еще шире, давая понять, что не имеет враждебных намерений.

– Ты взгляни, взгляни, – повторил он, не переставая ухмыляться.

Тарас слегка расслабился:

– Белены объелся, чувак?

– Э, белена – ерунда. Есть средства куда более радикальные.

– От насморка?

– И от него в том числе.

Невольно подчиняясь любопытству, Тарас осторожно потянулся к протянутому свертку. В то же мгновение Макс набрал полную грудь воздуха и спустил курок спрятанной внутри свертка трубки. Клац!

– Гааа...

Тарас Пинчук широко открыл рот, но более членораздельного звука издать так и не сумел. Несколько секунд он стоял неподвижно, затем качнулся вперед и рухнул на асфальт. Ноги упавшего разошлись циркулем, из его глотки повалила пена. Точно стиральная машина внутри заработала, только это была одна видимость. Кончился Тарас. Ничего внутри него не функционировало.

Вот тебе и венец творения. Чем человек лучше какой-то обезьяны, скажите на милость?

Удостоверившись, что его жертва не подает признаков жизни, Макс поспешно отбил кончик спасительной ампулы и проглотил ее содержимое.

Облизнулся.

Озирнулся.

С облегчением перевел дух.

Выбросил пустую ампулу.

Сунул руки в карманы и направился в подворотню, за которой дожидался его верный «Мустанг».

Из открытых окон доносились голоса телевизионных и реальных персонажей. Среди них выделялись возгласы какой-то женщины, повторяющей на разные лады:

– Ой, не могу... Ой, не могу... Ой, не могу...

Возгласы сопровождался ожесточенным скрипом кровати: иэх-х, иэх-х, иэх-х. Создавалось такое впечатление, что бедняжку распиливают напополам, разложив ее на верстаке. Наверняка многие спальни города служили сейчас такого рода мастерскими по строганию все новых и новых детишек, но этой ночью Макс играл за другую команду. Не увеличивал человеческое поголовье, а сокращал его по мере сил и возможностей.

– Пока что один-ноль в мою пользу, – прошептал он, прежде чем раствориться во мраке.

* * *

Если бы не исправная вентиляционная система, то дым в игорном зале стоял бы коромыслом. Курили почти все, включая работников казино, которым это категорически воспрещалось. В пепельницах тлели окурки, забытые охваченными азартом игроками. Поминутно вставляя в губы новые сигареты, они клацали зажигалками, как взводимыми курками пистолетов. Бокалы с напитками пустели и наполнялись, словно по волшебству.

– Тринадцать!

Зычный голос крупье заставил Макса поморщиться. От беспрестанного мельтешения рулетки у него разболелась голова. Вот уже битый час он торчал в опостылевшей «Жемчужине», машинально перебирая разноцветные жетоны, которые не спешил выкладывать на игровое поле. Сооружая из них очередную башенку, он украдкой рассматривал человека, сидящего напротив.

Андрей Пинчук был немного ниже ростом, чем его брат, старше и плотнее. Его черные глаза выделялись на пухлом белом лице, как две изюмины, воткнутые в сдобную булку. Под ними набрякли сизые мешки. Еще один любитель ночной жизни. Сейчас ты playboy, а вскоре станешь play off, подумал Макс. Отключишься навсегда.

Он перевел взгляд на спутницу Андрея, стройную, но чересчур тощую девушку в облегающем пуловере и голубых, тоже облегающих, брючках-клеш. У нее была прическа кое-как обсохшей русалки и совершенно рыбы глаза. Нимфа, только что сошедшая с подиума. Майская утопленница. Свое главное достоинство – бюст неожиданно внушительного размера – девушка старательно выпячивала навстречу каждому заинтересованному взгляду. Что ж, она не зря гордилась своими сиськами. Можно было не сомневаться, что они до отказа заполнены первоклассным силиконом.

Нет, решил Макс, такая каучуковая штучка не по мне. Уж лучше пользоваться куклами из секс-шопа. Они, по крайней мере, не говорящие.

Спутница же Андрея не умолкала ни на минуту. Помимо всего прочего Макс узнал, что она танцует в варьете при казино, и шоу скоро начнется. Значит, девушка пойдет дрыгать ногами, а ее кавалер удалится домой в гордом одиночестве. Судя по ходу игры, такой поворот событий был очень даже вероятен. Андрей Пинчук проигрался в пух и прах, оставив в кассе «Жемчужины» не менее трех тысяч зелени.

Подонок, подумал Макс. Просаживает папины денежки, как свои собственные. Между тем если бы все игроки скинулись хотя бы по сотне, то на образовавшуюся сумму можно было бы накормить целую армию голодных бомжей. Где же тут справедливость?

«Здесь, – ответил себе Макс, – погладив барсетку, стоящую рядом. – Вот она, высшая справедливость».

– Двадцать! – провозгласил крупье, собирая лопаткой жетоны. Выражение лица у него при этом было брезгливое. С такой харей впору куриный помет сгребать.

Впрочем, собравшиеся вокруг рулетки тоже не проявили восторга. Совсем еще молоденькая девчонка громко выматерилась. Мужчины дружно щелкнули зажигалками. Что касается Андрея Пинчука, так тот едва не опрокинулся вместе со стулом, на спинку которого откинулся.

– Вот же невезуха, – прошипел он, восстановив равновесие.

– Нужно было ставить на цвет, – авторитетно заявила подруга.

– А если я дальтоник? – Смешок, который издал Андрей, прозвучал, как скрежет барахлящего стартера.

– Тогда поставь на чет-нечет, – предложила девушка.

– Отцепись со своими советами, – раздраженно сказал Андрей.

У него осталась лишь жалкая стопка бело-розовых фишек. Стиснув их в кулаке, Андрей встал и направился к выходу. Девушка, повисшая на его руке, волочилась следом. Макс чуть не застонал от отчаяния. Черт, они все-таки уходят вместе. А как же производственная дисциплина?

Не обращая внимания на осуждающий взгляд крупье, Макс выбрался из-за стола и двинулся за парочкой. Настроение у него испортилось. Своим одноразовым оружием он не мог убить двух человек одновременно, к тому же это не входило в его задачу. Инициатива, как известно, наказуема.

Пока он обменивал жетоны на деньги, Андрей со своей русалкой уже успели выйти наружу. Она продолжала цепляться за руку своего кавалера, как утопающая за соломинку. Так он и доволок ее до стоянки автомашин перед казино, где оба уселись в белую красавицу «БМВ». Макс, потрусивший к своему «Форду», ничего не понимал. Близился час ночи, и шоу, в котором не могла не участвовать длинноногая русалка, должно было начаться с минуты на минуту. Неужели сегодня она не собирается гарцевать на сцене? В таком случае деньги, заплаченные за вход в казино, потрачены зря. Сколько же будет продолжаться эта разорительная полоса неудач? – спросил себя Макс и не нашел ответа.

«БМВ» Пинчука тронулась с места и, вместо того чтобы вырुлить на боковую дорожку, соединяющуюся с автострадой, медленно покатила вдоль фасада здания и скрылась за углом. Оставив в покое свой автомобиль, Макс припустил следом, расстегивая на ходу барсетку.

За углом находился тупик, заставленный ржавыми мусорными баками. На прижавшегося к стене Макса уставилось несколько пар кошачьих глаз, светящихся в темноте. А вот огни «БМВ» были погашены. Оказывается, русалка просто решила тепло попрощаться со своим кавалером, прежде чем выйти на сцену. Делает ему вульгарный минет, для которого придумано романтическое название «французский поцелуй»? Похоже на то. Скорее всего Андрей Пинчук расплатится с ней жетонами, которые так и не обменял на деньги.

«А вот от меня ты так дешево не отделаешься, – мысленно сказал Макс Андрею. – У нас с тобой другая ставка. Твоя никчемная жизнь».

* * *

Крепко зажмурившись, Марго думала о приятном.

Ее муж – знаменитый актер, нет, лучше музыкант, чтобы во всем блестящем и при белом лимузине. И вот они приезжают на презентацию его нового альбома... нет, лучше фильма. Вокруг масса народу, но внимание всех приковано к Марго, одетой в совершенно обалденное платье с во-о-от такущим вырезом и голой спиной. И вот они идут сквозь толпу, и все ахают и сразу расступаются, потому что она такая красивая, что просто спасу нет. На ее голове сияет бриллиантовая диадема, как у принцессы Дианы, только лучше. И она вся такая стройная, волнующая, вихляющаяся при ходьбе. У меня разболелась голова, томно говорит она, поехали скорее домой, милый. Терпеть не могу все эти дурацкие презентации, ну сколько можно.

Немедленно подают белый... нет, розовый лимузин. И ее муж – теперь он знаменитый кутюрье, но не гомик, еще чего не хватало, – ее муж даже спотыкается, так спешит распахнуть дверцу перед своей ненаглядной. За рулем – шофер, молоденький и ужасно симпатичный. Он безнадежно влюблен в Марго, поэтому у него краснеют уши, когда он слышит возню за своей спиной. Это пылающий страстью супруг награждает ее жаркими поцелуями. Их губы впиваются друг в друга, производя сочные звуки, долетающие до красных ушей шофера. Чмок-чмок.

Мужская пятерня придержала увлечшуюся Марго за волосы.

– Эй, хватит, – донесся до нее прерывистый голос Андрея. – Я кончил, угомонись.

Выдохнув сквозь стиснутые зубы, он откинул голову на спинку сиденья. Марго повозилась еще немного вниз и тоже приняла сидячую позу.

– А ты сла-а-аденький, – промурлыкала она, снимая прилипшую к напмаженным губам волосину.

– И калорийный в придачу, – проворчал Андрей, избегая глядеть на девушку. – Теперь можешь два дня ничего не есть. Экономия.

– Издеваешься?

– Научно установленный факт. – Андрей ухмыльнулся. – В мужской сперме содержится столько же калорий, сколько в пирожном, – продолжал резвиться он.

– Ничего себе! – Прозрачные глаза Марго затуманились. – Так и растолстеть недолго.

– Ну, это тебе не грозит. – Андрей покровительственно потрепал ее по волосам. Из-за обилия геля они на ощупь напоминали спутанную проволоку.

– Тебе легко говорить. А я, выходит, рискую испортить фигуру. Пять пирожных в день – кошмар! – Марго сокрушенно покачала головой.

Ухмылка исчезла с лица Андрея.

– У тебя сегодня было пять клиентов? – спросил он.

– Нет, но я скушала за завтраком два эклера, – покаялась девушка.

– Н-да, это уже перебор, – нахмурился Андрей. – Твой братец ввел меня в заблуждение.

– Он сказал, что я не ем сладкого?

– Он сказал мне, что ты чуть ли не целка, а на тебе клейма негде ставить, – сердито произнес Андрей. – Знаешь, мне пора. – Сунув девушке нагретый в кармане фишки, он подтолкнул ее к выходу. – Чао, солнышко. Береги себя для новых свершений.

Марго машинально приняла подношение, выбралась из машины и побрела прочь.

Походка ее была понурой. Уж очень разительно отличалась проза жизни от девичьих грез.

* * *

Пропустив мимо себя порочную нимфу из казино, Макс скользнул за угол и быстро зашагал к белой иномарке, которая неуклюже разворачивалась в тесном закутке, провонявшем гнилью и кошачьей мочой. Лопались раздавленные пакеты, тархтели разлетающиеся из-под колес пивные жестянки. Свет фар выхватывал фрагменты граффити на облезлой стене.

– Стой, – произнес Макс, преграждая машине дорогу. – Да стой же! – повторил он, вскидывая руку на манер салютующего гитлеровца.

Освещенный автомобильными фарами, он выглядел незыблемым, как изваяние. Его фигуру окаймлял ореол золотистого света. Позади стелилась черная тень.

– В чем дело? – недовольно осведомился Андрей Пинчук, высунувшийся из окна «БМВ». Сдавая назад, он задел бампером мусорный бак и не был расположен к общению с незнакомцами из подворотен.

Не спуская с него глаз, Макс сделал несколько шагов вперед.

– Это ваше? – спросил он, приблизившись к водительской дверце.

– Что?

– А вот что! – Во мраке заблестел небольшой металлический предмет. – Вы потеряли.

– Ничего я не терял, – сказал Андрей, берясь за рычаг переключения скоростей.

– Ошибаетесь, – весело произнес Макс. – Эта штуквина отвалилась от вашего автомобиля.

– Черт, не может быть!

– Еще как может. Смотрите.

– Нет, это не мое, – заявил Андрей, уставившись на сунутую в открытое окно трубку непонятного назначения.

– А вы хорошенько поглядите.

– Ишь, умник! Подобрал на мусорнике какую-то железяку и надеешься мне ее впарить за бабки? – Андрей презрительно усмехнулся. – Не на того попал, парень.

– На того, – заверил жертву Макс. – На того самого, козел.

Он сделал неуловимое движение пальцами.

Клац!

Лицо Андрея исказила гримаса, глаза остекленели. Синильная кислота распылилась в каких-то двадцати сантиметрах от его лица. Задыхаясь от внезапного удушья, он рванул узел

галстука на шее и обрушился головой на рулевое колесо. Клаксон «БМВ» откликнулся жалобным возгласом.

Макс поспешно опрокинул труп на соседнее сиденье и вытащил из кармана ампулу с противоядием. На этот раз его руки почти не дрожали. Мастерство приходит с опытом, разве не так?

* * *

«Сволочь и жмот. Все они сволочи и жмоты!»

Марго сердито впечатывала каблук длинноносых туфель в асфальтовую дорожку. Туфли напоминали клоунские. Ходить в таких было не слишком удобно, но зато модно. Правда, не осенью, которая вот-вот нагрянет. Пора обзаводиться приличными сапожками.

– Ну-ка, ну-ка...

Марго раскрыла ладонь, подсчитывая выданные ей фишки. Мелочь. Тех денег, которые останутся после дележа с администратором и братом, хватит разве что на пару приличных колготок. А ведь жизнь состоит не из одних только колготок. Белье, косметика, бижутерия, парфюмерия – да мало ли на свете всяких важных, просто необходимых вещей, без которых современной девушке хоть плачь.

Би-ип!

Призывный автомобильный гудок, донесшийся из-за угла, застал Марго на площадке перед входом в казино. На сердце потеплело. Неужели Андрей устыдился своей скупости и решил подкинуть денег? Или он просто жаждет продолжения? Что ж, в таком случае ему придется раскошелиться как следует. Одними фишками он от Марго не отделается, тем более что они у него закончились.

Нет, только наличные! Администратор, закрывающий глаза на шалости танцовщицы, получит долю фишками, пусть подавится. Любимый братик тоже не заподозрит подвоха. Вот тебе и новые сапожки, Марго. Не зевай.

Девушка бросила взгляд на часы и решительно повернула обратно. Программа варьете уже началась, но до выхода на сцену осталось почти двадцать минут. Вполне достаточно, если подходить к делу профессионально, а как еще прикажете подходить к нему? Любовь – не вздохи на скамейке и не прогулки при луне.

* * *

Удаляясь от работающей на холостых оборотах «БМВ», Макс едва не споткнулся об черную кошку, метнувшуюся ему под ноги. Но это был не единственный неприятный сюрприз. Куда сильнее ошеломило его неожиданное столкновение с торопливо шагающей навстречу девицей в голубых брючках.

Русалка, будь она неладна!

Появившаяся из-за угла девица вздрогнула и остановилась:

– Фу, блин, как вы меня напугали!

– Я? – Макс обворожительно улыбнулся и слегка попятился, вступив при этом в лужу чужой блевотины.

– Вы, вы. Бродите тут в темноте...

– Да вот, так получилось. – Макс виновато развел руками. – Вроде как заблудился. Вы случайно не знаете, где тут улица Бебеля?

– Кто, я не знаю?! – возмутилась девица, привстав на цыпочки, чтобы заглянуть через его плечо. – Это вы не знаете! Сам стоит на Бебеля, а сам спрашивает!

Пренебрежительно фыркнув, девица прошла мимо. Она даже не догадывалась, как близка к смерти. Но комплект ампул с синильной кислотой остался в «Форде», а убивать людей голыми руками Макс пока что не научился. Стрелял, резал – было дело. Но душить не душил, так что вряд ли мог рассчитывать на успех с первого раза.

– Андриюшенька, – прозвучало за его спиной, – ты тут?

«Куда ж он, на фиг, денется», – подумал Макс, устремившись к автостоянке. На ходу он машинально шаркал испачканной подошвой по асфальту и все ждал, когда же девица поднимет переполох.

Ее первый вопль застиг его напротив входа в казино, где толкалась какая-то нетрезвая гоп-компания, и он вместе со всеми недоуменно посмотрел в темноту, откуда несло истощающее:

– А-а-а!.. Уби-и-иваю-ют!..

«Уже убили, дура», – мысленно прокомментировал Макс, ускоряя шаг.

Когда девица завизжала вторично, он уже сидел в «Мустанге» и включал зажигание. Какого черта она вернулась? И насколько хорошо ей удалось разглядеть Макса?

Стараясь не паниковать, он вырулил с площадки на автостраду и, рыская из стороны в сторону, поехал в сторону парка имени Шевченко. К счастью, встречных машин почти не было, иначе Макс вполне мог бы попасть в аварию. Руль так и норовил выскользнуть из вспотевших ладоней. Педали под ногой путались. Набалдашник рычага переключения скоростей всякий раз оказывался не там, где его искала дрожащая рука Макса.

Он успокоился только возле своего дома, успев принять твердое решение не рассказывать об инциденте шефу. За подобные проколы по головке не погладят. Всучат в следующий раз яд вместо противоядия, и прости-прощай. Зачем навлекать на себя хозяйский гнев? Тем более что девица из казино вряд ли запомнила случайного встречного. И не при ее куриных мозгах связывать случайную встречу с Максом и убийство Пинчука.

Поверещит и уgomонится. Так всегда бывает.

* * *

Невзирая на поздний час, дед не поленился встретить внука в прихожей, тесной и захлавленной, как чулан. Землисто-серое лицо Зиновия Лазаревича полностью соответствовало интерьеру его жилища. Словно он просидел в этом самом чулане всю жизнь, потом скончался, но пока что не осознал этого и продолжал бесцельно двигаться, сипеть, кашлять, не давая покоя ни себе, ни окружающим.

«Когда же тебя, наконец, закопают, старый хрыч?» – мысленно поинтересовался Макс, хотя произнесенный вслух вопрос прозвучал несколько иначе:

– Чего тебе не спится, дедуля? Совсем не думаешь о своем здоровье.

– И это говорит человек, заявившийся домой под утро! – воскликнул Зиновий Лазаревич, натужно свистя легкими.

Ну вот, опять завел свою песню. Старую песню о главном, под аккомпанемент прохуdivшегося баяна.

– Мое дело молодое, дедуля, – отшутился Макс, переобуваясь в растоптанные тапочки.

– А мое – старое, вот и не спится. Помирать скоро. Жаль тратить время на сон.

– Бог даст, протянете до ста лет. Будете долгожителем в нашем семействе. Представляете? – Макс прошел на кухню, где сразу же сунулся в холодильник. – Столетний юбилей, вокруг куча благодарных потомков... ух, хорошо! – Он присосался к вскрытому пакету кефира.

– Если так пойдет дальше, то родственники соберутся значительно раньше, – сварливо заметил Зиновий Лазаревич, усаживаясь на самый скрипучий табурет в кухне. – Подле моего гроба, куда ты меня скоро загонишь, дорогой внучек. Разве нормальный человек станет гулять по ночам? На улицах неспокойно. Во время войны и то гулять было безопаснее.

– Ой, только не надо сгущать краски, – поморщился Макс, бегло полюбовавшись своим отражением в зеркале над раковиной. На его верхней губе красовались кефирные усики. Пришлось слизать их таким же белым языком.

– Ты предлагаешь мне не сгущать краски? – изумился старик. – Мне семьдесят шесть лет, и все они прошли в этой богом проклятой стране. И после этого ты говоришь, что я сгущаю краски?

– А я вот мечтаю прожить свою жизнь в Америке, – неожиданно признался Макс. Он как раз достал из холодильника батон ливерной колбасы и приготовился вцепиться в него зубами. Выражение его лица сделалось мечтательным.

– Ой, перестань, что бы ты в этой Америке делал?! – Зиновий Лазаревич сделал движение, похожее на то, которым отгоняют муху.

– То же, что и здесь.

– А чем ты здесь занимаешься?

– Коммерция. – Пережевываемая вместе со шкуркой колбаса сделала речь Макса невнятной. – Розница. Опт.

– Ты полагаешь, что в Америке без тебя некому заниматься коммерцией?

– Здесь в последнее время чересчур много бизнесменов развелось. – Проглотив кусок, Макс посмотрел в темное окно и злобно добавил: – Сраных... Денег куры не клюют, а мозгов, – он постучал себя кулаком по лбу, – не хватает. Встречался сегодня с двумя такими. Братья. Полные кретины. Ничего в коммерции не петрят, ну, ничегошеньки. Я им показал, где раки зимуют. Разделал обоих под орех.

– Странная у вас, молодых, коммерция, – сказал Зиновий Лазаревич. – Раки, орехи...

– Да уж. – Макс сунул в рот спичку и, остервенело мочалая ее зубами, заявил: – Спать пойду. Вымотался сегодня, как собака. Покойной ночи, дед. Гляди не загнишь ненароком, хоронить тебя сейчас некогда.

* * *

Запершись в своей комнате, Макс взял мобильный телефон и пробежался жирными пальцами по клавишам, после чего клавиши заблестели чуточку сильнее, чем прежде. Услышав в трубке женский голос, он озабоченно спросил:

– *Натуся?*

– Куда вы звоните?

– *Это квартира Гнилищких?*

– Набирайте правильно номер, – сердито сказала женщина.

– *Я набрал правильно,* – произнес Макс чуть ли не по слогам. – *Ошибки быть не может.*

Вместо ответа из трубки раздалась короткая гудка. Рапорт о выполнении задания был принят. Макс проворно разделся и улегся в кровать, свернувшись калачиком. Одеяло он натянул таким образом, чтобы наружу торчал лишь один только нос. Точно в такой же позе он спал в детстве. Когда еще не работал на ЦРУ, не мечтал об американском гражданстве и не убивал людей.

Год назад он был завербован неким Сидом Штейном, резидентом Центрального разведывательного управления, который официально значился ответственным представителем компании Си-эн-эн в Одессе. Штейн без труда сумел оказать давление на Максима Кривченко, обивавшего порог американского посольства. Недоучившемуся педиатру, отсидевшему два года за хищение имущества медицинского института, доходчиво объяснили, что с его темным прошлым нечего и мечтать об эмиграции за океан. Разве что он использует свои способности во благо процветания демократии во всем мире. Но не дикарской демократии славян. Американской. Самой демократической демократии в мире.

Макс с готовностью дал подписку. Денег ему платили немного, утверждая, что львиная часть гонораров оседает на банковском счете, доступ к которому Макс получит, как только выполнит свою миссию на родине и перекочет в Штаты.

Ликвидация братьев Пинчуков была не первым заданием Макса, хотя и самым сложным из всех, которые ему поручались прежде. Сид собственноручно снабдил его пневматическим оружием и химикатами, особо подчеркнув, что смерти Андрея и Тараса должны выглядеть самым естественным образом.

Вроде бы так оно и получилось. Но если бы не крайняя усталость, Макс обязательно бы задался вопросом: а так ли уж естественно может выглядеть почти одновременная смерть двух родных братьев, погибших от удушья? Он таким вопросом не задался. Вымотанный морально и физически, он крепко спал, пока кусочки ливерной колбасы, застрявшие между его зубами, подвергались необратимому процессу гниения.

Душу Макса этот процесс не затрагивал. После сегодняшней ночи там гнить было нечему.

IV. Особенности национальной службы безопасности

Вопреки распространенному мнению Одесса – это не только «Юморины», шаланды, полные кефали, и монологи Михаила Жванецкого. Да, имеются здесь и памятники, и белые пароходы, и зеленые бульвары с их древними платанами и пикейными жилетами. И буквально каждая поездка в переполненном трамвае обогащает лексикон. И Потемкинская лестница с ее бесчисленными ступенями по-прежнему готова довести до инфаркта любого. Но все эти достопримечательности расскажут вам об Одессе не так полно, как сводки криминальных новостей. Ознакомившись с ними, легендарный Мишка-Япончик устыдился бы своих мелких делишек, меркнувших на фоне тех двадцати тысяч особо опасных преступлений, которые ежегодно совершались в городе-герое.

Взять хотя бы оперативную сводку за одни только минувшие сутки, поступившую в областное управление Службы безопасности Украины.

Похищение председателя исполкома – это раз. Угон спортивного «Ягуара», принадлежащего лидеру партии «Заветы Ильича», – это два. И далее по порядку. Убийство гендиректора рыбопромыслового объединения с традиционным контрольным выстрелом в голову. Взрыв компьютерного салона на улице Новосельского. Успешное задержание и таинственное исчезновение автомобиля «МАЗ-54323», нелегально перевозившего ликероводочные изделия с липовыми марками акцизного сбора. Ограбление магазина «Виртус», расположенного на улице Балковской. Массовая драка в студенческом общежитии. И так далее, и тому подобное.

Демократические преобразования шли полным ходом. Любо-дорого посмотреть.

– Совсем охренели, – подытожил полковник СБУ Дрозд, чересчур массивный и грозный для своей птичьей фамилии.

Имелся в виду не общий разгул преступности, а неизвестные убийцы братьев Пинчуков, погибших минувшей ночью. Оба поступили в морг судмедэкспертизы с интервалом в два часа, так что версия о естественной смерти от удушья отпала сама собой. Дежурный врач, даже будучи пьян, сумел правильно оценить ситуацию и, старательно ворочая языком, доложил о случившемся дежурному по УВД. Милиционеры, как водится, уведомили чекистов. Теперь оперативная сводка лежала на столе Дрозда, и упоминавшиеся в ней фамилии покойных братьев были жирно выделены желтым маркером.

– Вот первичные свидетельства об аутоп... аутопсии, – доложил капитан СБУ Медведчук, протягивая начальнику свеженькие ксерокопии. При этом он судорожно сглотнул, вспомнив, как выглядели трупы Пинчуков, распластанные на цинковых столах. Какие-то разделанные говяжьи туши, а не люди. И этот тошнотворный запах, застоявшийся в четырех кафельных стенах...

– Давай-ка без китайских церемоний, – предложил Дрозд, не прикасаясь к документам. – Докладывай устно.

Он плохо воспринимал ширу украинську мову, способную превратить любой официальный документ в филькину грамоту, хотя не желал признаваться в этом. Сотрудник национальной службы безопасности обязан знать язык, на котором творил великий Шевченко. Или, по крайней мере, притворяться, что дело обстоит именно так. Дрозд предпочитал притворяться.

– Докладывай, – повторил он. И, насупившись, добавил: – Не гаючи этого самого... часу. Что означало: «Не теряя времени».

И все же капитан Медведчук еще не раз сглотнул кислую слюну, прежде чем сумел подавить приступ тошноты.

– Синильная кислота, – заговорил он, делая неожиданные паузы, – это сильнейший яд нитро... нейротоксического действия, который блокирует клеточную цитрусо... цитохромо... цитохромоксидазу, в результате чего возникает ярко выраженная тканевая, э-э... гипоксия.

– Говори человеческим языком, – велел полковник Дрозд, пристукнув ладонью по столу. Ладонь у него была твердая, как деревянная лопатка. Звук получился внушительный. – Что за цитромония такая?

– Ци-то-хро-мо-кси-да-за. – Выговорив термин по слогам, Медведчук побагровел, словно это потребовало от него немалых физических усилий. – В точности не знаю, что это такое, но могу выяснить, – сказал он.

– Обойдемся. Излагай дальше.

Медведчук повертел шеей, которой стало тесно в галстучной петле.

– Отравление, – произнес он, – наступает в момент вдыхания паров синильной кислоты. Всасывается она очень быстро. Смертельная доза – от пятидесяти до ста миллиграммов. При вдыхании небольших концерт... концентраций кислоты наблюдается царапанье в горле, – кадык Медведчука непроизвольно дрогнул, – горький вкус во рту, головная боль, тошнота, рвота, боли в груди...

– Как с большого бодуна, – авторитетно вставил Дрозд.

– Так точно, товарищ полковник.

– Только опохмелка уже не спасает.

– Не спасает. – Переведя дух, Медведчук устался в текст медицинского заключения и забубнил дальше, сбиваясь на интонации дьяка, читающего заупокойную молитву. – При полной инко... интоксикации появляются э-э... клинко-тонические судороги, резкий цианоз и почти мгновенная потеря сознания вследствие паралича дыхательного центра. При оказании неотложной помощи нужно немедленно начать антипод... антидотную терапию...

В полковничьих глазах блеснул недобрый огонек.

– Кому? – спросил он.

– Э-э, простите? – Брови капитана сложились шалашиком.

– Кому ты предлагаешь оказывать неотложную помощь? Братьям Пинчукам? Или их ясновельможному батьке?

– Это я так, для общего сведения, – смутился Медведчук.

– Общим сведениям место в общем сортире, – убежденно заявил Дрозд. – Меня интересуют конкретные факты.

– Факты таковы, что... – На лице Медведчука отразилась сложная гамма чувств. – Факты таковы, что херня какая-то получается, товарищ полковник.

Дрозд был того же мнения. Если злоумышленники намеревались создать видимость естественной смерти, то зачем они убили сразу двух человек одним и тем же способом? И почему акции проводились явными дилетантами? О чем они думали, оставляя на месте обоих преступлений осколки ампул, содержавших синильную кислоту? Осколки, сложив которые можно получить отпечатки их пальцев?

Проанализировав все эти загадки, Дрозд предположил:

– А что, если убийцы засветились намеренно?

– Ради спортивного интереса? – изумился Медведчук.

– Это еще тот спорт, капитан. Кровавый.

* * *

Дрозд выложил на стол оба кулака и уставился на них, словно бы решая, какой из них крепче. Дали бы ему волю, он бы покрошил этими кулаками немало мудрых голов, которые довели страну до такого унижительного состояния, когда с украинскими силовиками считаются не больше, чем с портретами усатого кобзаря, повсеместно заменившими светлый образ Феликса Эдмундовича.

Чекист с почти двадцатилетним стажем работы, Дрозд без труда припомнил парочку других эпизодов с синильной кислотой, с которыми ему приходилось сталкиваться по долгу службы. Дела давно минувших дней, но разве новое – это не хорошо забытое старое?

Особое пристрастие к убийствам с помощью различных ядов питали агенты ЦРУ. Знакомый почерк. Плюс наглая уверенность в своей полной безнаказанности. С тех пор, как Украина изъявила желание войти в состав НАТО, американская разведка стала действовать на ее территории почти легально. Были куплены с потрохами некоторые видные политики, руководители многих силовых ведомств, с голоса Дядюшки Сэма запели не только газетчики, но и члены правительства. И это нравилось полковнику Дрозду все меньше и меньше. Несмотря на директивы о лояльности и взаимопонимании, спускаемые сверху.

– Чертовы американцы совсем распоясались, – проворчал он, совершая руками такие движения, словно в каждой из них находилось по эспандеру. – Янки-поганки!

– Американцы? – не поверил Медведчук.

– Они самые, – подтвердил Дрозд. – Рыцари плаща и кинжала, а кинжал тот схован за пазухой. Джеймсы Бонды сраные! У, достали! – Правый кулак полковника обрушился на полированную поверхность стола, подобно молоту. В левом зашуршала скомканная сводка происшествий по городу.

– Значит, это вызов? – Голос потрясенного капитана упал до шепота.

– Скорее демонстрация силы. Предупреждение.

– Нам?

– Ну, слава господу, хлопцы из Лэнгли пока что не настолько оборзели. – Дрозд расправил и без того широкие плечи, погоны на которых выглядели игрушечными. – Полагаю, акция была проведена с целью устрашения отца покойных.

– Эге! – воскликнул Медведчук, почесав затылок.

Григорий Иванович Пинчук являлся олигархом украинской закваски, о котором в СБУ было известно даже чуточку больше, чем того требовали интересы национальной безопасности. Очень уж крупными суммами он ворочал, как тут не проявить бдительность? Да и бизнес у Пинчука-старшего был весьма специфический: посредничество при сделках по купле-продаже военной техники и оружия, в основном российского.

По сути, фирма Григория Ивановича являлась своеобразным филиалом Минобороны Российской Федерации. Преимущество такой схемы было очевидно. Когда, к примеру, ракеты «Феникс» уходили в страны с сомнительным режимом, то происходило это не официально, а в частном порядке, без лишней волокиты. Обычная практика. Все государства обходили подобным образом дипломатические барьеры и ловушки международного права, в том числе хваленая Америка. Но если полковник Дрозд питал к американцам чувства, далекие от родственных, то в Москве проживал его родной брат, а в Мурманске – сын с невесткой и двумя горячо любимыми внуками. Так что озвученное им резюме прозвучало весьма решительно и однозначно:

– Гнобить их пора. В смысле, гноить.

– Американцев, – понимающе кивнул Медведчук.

– Цэрэушников, – поправил подчиненного Дрозд. – С Америкой нехай мусульманская общественность разбирается, тамошних небоскребов, слава тебе, господи, на всех хватит.

В кабинете стало тихо. Лишь осенняя муха упрямо буравила оконное стекло, как будто там, снаружи, имелось нечто такое, чего не было здесь, внутри.

Капитан Медведчук посмотрел на муху и попытался припомнить, сколько докладных записок об усиливающейся активности иностранных разведок было составлено в этом кабинете. Записки уходили наверх, оттуда спускались циркуляры с требованием повышать бдительность и дисциплину. Все равно что плевать против ветра. В принципе, не запрещено, но толку от этого занятия никакого. Разве что утираться приходится чаще.

Ж-ж-жу, надсаживалась муха, з-з-зу.

Когда слушать этот нудеж стало совсем уж невыносимо, Медведчук прочистил горло и сказал:

– ЦРУ нынче как СПИД. Все знают, что он есть, а говорить о нем не принято. Доложить наверх о своих подозрениях вы, конечно, можете и даже как бы обязаны, но лично я вам не советую, товарищ полковник.

Прищуренный глаз Дрозда превратился в непроницаемую щелочку:

– Вот как? И что же ты мне тогда советуешь, капитан?

– А ничего не советую, – сказал Медведчук. – Но лучше не рыпаться, – вот мое мнение.

– Так и будем терпеть выходки байстрюков Дяди Сэма?

– Сами знаете, какая ситуация...

– Ситуация, говоришь?! – рявкнул Дрозд, да так оглушительно, что заставил помертветь не только подчиненного, но и муху на оконном стекле. После чего, взяв себя в руки, заговорил уже совсем другим, вкрадчивым тоном: – Ты прав, капитан. Цапаться с американцами нельзя, пока некоторые деятели им задницы до блеска вылизывают. Ни хрена мы с ними сделать не можем, рыпаться действительно бесполезно. Но... – Полковничий палец изобразил вертикальный столбик.

– Но? – откликнулся эхом Медведчук.

– Но нельзя позволять им хозяйничать у нас на родине, как у себя дома.

– Кто же им запретит? – В вопросе капитана прозвучала нескрываемая горечь.

– Агентурный, технический и аналитический потенциал Федеральной службы безопасности России, – отчеканил Дрозд. – Придется связаться с Лубянкой.

Капитан Медведчук только крикнул, став похожим на мальчишку, которому предложили прогуляться в полночь по кладбищу.

* * *

Стараниями президента России ФСБ заново превращалась в самую могущественную спецслужбу страны, способную не только на равных конкурировать с разведками СВР или ГРУ, но и превосходящую их по оперативности, точности и достоверности добываемой информации. Раздираемая бесконечными политическими междоусобицами Украина не смела даже мечтать о подобном размахе. Центральный аппарат российской Службы безопасности был на сто процентов укомплектован кадровыми офицерами, прошедшими подготовку в специальных учебных заведениях, точное количество и местонахождение которых знали лишь избранные.

Управление контрразведывательных операций при ФСБ имело в своем распоряжении любые современные вооружения, включая орбитальную группировку спутников, с помощью которых осуществлялось космическое наблюдение любой точки земного шара. Статус УКРО был очень высок. Если директор ФСБ напрямую подчинялся президенту, то генерал Молотов, возглавлявший Управление контрразведки, находился в непосредственном подчинении у самого директора. Таким образом он являлся вторым по значению контрразведчиком страны.

Полковнику Дрозду было лестно сознавать, что он имеет выход на человека такого ранга.

– Итак, УКРО, – пророкотал он, испытываяще глядя на подчиненного. По звучанию это напоминало ворчание матерого зверя, привыкшего уважать чужую силу не меньше, чем свою собственную.

– Это круто! – совсем по-мальчишески воскликнул Медведчук, после чего заметно опечалился. – Только какое дело Лубянке до наших проблем?

– А ты тугодум, капитан, – хохотнул Дрозд с чувством явного превосходства. Его крупное, сияющее лицо стало похожим на щедро промасленный блин. – Ну-ка, припомни, чем занимается эта организация? В частности, оперативный отдел контрразведки. – Заметив замеша-

тельство подчиненного, Дрозд снизошел до подсказки. – В СССР аналогичные задачи решала группа «Б» КГБ, – произнес он со значением.

Медведчук присвистнул. Легендарное подразделение, которое специализировалось на уничтожении вражеских агентов, руководителей и военачальников. Парни, с одинаковой лихостью охмурявшие жен иностранных атташе и проводившие диверсионные операции на территории противника.

– Сущие головорезы, – пробормотал Медведчук. – Отпетые. В смутные времена без них никак, но все равно головорезы.

– Головорезы, хм... – Дрозд нахмурился, вертя перед глазами желтый маркер. – По сути верно, но само определение не слишком удачное, капитан.

– Тогда боевые роботы. Всякие там киношные «ниндзя» и «люди в черном» в сравнении с ними просто уличная шпана. Не говоря уже о нашей собственной спецуре.

– Не увлекайся, – осадил подчиненного Дрозд, почувствовавший, что его профессиональная гордость уязвлена. – Каких-то людей в черном сюда приплел... ниндзя, каких-то...

– Так я для сравнения, – попытался оправдаться Медведчук. – Аналогия называется.

– Не пришей к звезде рукав, вот как это называется. Повторяю для бестолковых: общие слова существуют для общих мест пользования типа сортир. – Убедившись, что смысл сказанного дошел до подчиненного в полной мере, Дрозд продолжал, дирижируя маркером в такт своим словам: – Что касается фактов, то убийство Тараса и Андрея Пинчуков выглядит так, будто ЦРУ пытается оказать давление на их отца. Учитывая характер его деятельности, можно предположить, что тут затронуты государственные интересы России. Вывод?

– Вывод такой, что пора дать америкашкам хар-роший поджоппник, – отрапортовал оживившийся Медведчук. – Пусть это сделают хоть москали, хоть сам черт-дьявол. А наша хата с краю.

– Вот! – Маркер в руке Дрозда совершил движение, напоминающее выпад шпаги и нацелился в грудь подчиненного. – У тебя когда день рождения, капитан?

– В следующем месяце.

– Не годится.

– Что ж теперь, пусть папа с мамой меня заново делают? – Являясь сотрудником СБУ, капитан Медведчук оставался прирожденным одесситом.

Но и полковник Дрозд лезть за словом в карман не привык.

– Пожалей родителей, – ухмыльнулся он. – Им одного такого сыночка хватает.

– Ничего не попишешь, – развел руками Медведчук.

– Попишешь! Сегодня ты родился, капитан.

– Впервые слышу.

– Тогда повторяю еще раз. *Се-го-дня*. Вечерком именины справишь. За казенный счет.

– Как это?

– А как мужики отмечают дни рождения? – Дрозд хохотнул. – Пивко, водочка, сауна, девчата в мыле...

– Девчата в мыле, – зачарованно шевельнул губами Медведчук.

– Подходящая Наталка-Полтавка на примете имеется?

– Имеется. Их, этих Наталок, хоть пруд пруди.

– Ну и гарно, – одобрил Дрозд, не по-украински налегая на «г». – Заодно пригласи известного тебе Голавлева поучаствовать в сабантуе, а сам притворись пьяным в дымину и выболтай ему все, о чем мы с тобой сегодня калякали.

– А, – вздохнул Медведчук, скучнее на глазах.

Голавлев являлся резидентом российской внешней разведки, о чем одесским спецслужбам было, конечно же, известно доподлинно. Числясь специалистом по экспортно-импортным операциям при Торговой палате, он прекрасно знал город и имел многочисленные связи среди

местной элиты. Настоящий ас своего дела, невозмутимый, как международный дипломат, и элегантный, как карманник с Каннского кинофестиваля. Представить себе его, тискающим девочек в бане, было не просто трудно, а невозможно.

– Он не поверит, что я потерял над собой контроль, – вздохнул Медведчук после недолгого размышления. – Все же я офицер СБУ.

– Пустяки. – Дрозд встал, давая понять, что прений не будет. – Главное, чтобы обстановка была неформальная, а информация – достоверная. Больше от тебя ничего не требуется, капитан. Ступай. – Полковничья рука совершила короткий взмах.

Проводив подчиненного тяжелым взглядом, Дрозд прошелся по кабинету, гадая, какие осложнения могут последовать в результате принятого решения. Выходило: никаких. Но и в противном случае он рискнул бы как званием, так и карьерой. Ему надоело чувствовать себя марионеткой в театре, главным постановщиком которого все чаще выступали Соединенные Штаты Америки. Дрозду тоже хотелось побыть кукловодом. Как в те славные времена, когда он служил великой державе, исчезнувшей с лица земли.

При воспоминании о тех славных деньках спина полковника СБУ заметно ссутулилась. Словно он нес на широких плечах никому не видимую, но оттого не менее тяжкую ношу.

V. Чужие среди своих

Отрыдал свое похоронный оркестр, провожая в последний путь бесславно погибших братьев Пинчуков...

И еще десятки молодых и старых жителей города легли в рыжую одесскую землю, кто с меньшей помпой, кто с большей, кто с божьей, а кто – с человеческой помощью...

Жизнь тем не менее продолжалась. И она, жизнь, придумывала все новые песни:

А я все давала,
Но я так и знала,
Платят денег мало
За любовь, ла-ла-ла.

Развратные девичьи голоса, звучащие из динамиков уличного кафе, заставляли посетителей чувствовать себя так, словно они находились в низкопробном борделе. Некоторым это нравилось, они барабанили пальцами в такт мотивчику и притопывали ногами, как бы намекаясь пуститься в пляс. Другие то и дело поглядывали на колонки, испытывая сильнейшее желание разбить об головы тех, кто производит подобного рода музыку. Или хотя бы об головы персонала чересчур шумного заведения.

Заведение представляло собой круговую барную стойку, торчащую посреди Дерибасовской. Прямо на тротуаре лежали истоптанные зеленые паласы, поверх которых были расставлены пластмассовые столы и стулья. Летом ветви деревьев, раскинувшиеся над кафе, заслоняли посетителей от палящих лучей солнца, но теперь листва на них поредела и скукожилась. Да и солнце больше не светило, затянутое сереньким пологом облаков. От этого было грустно. Невольно вспоминалось, что молодость прошла, старость не за горами, а ты где-то посередине, сплюснутый жизненными обстоятельствами на манер бутерброда. Даже если ты офицер оперативного отдела Управления контрразведывательных операций ФСБ. Тем более, если ты являешься сотрудником этой организации.

Дождаясь, пока собеседник соизволит заговорить, Евгений Бондарь продолжал наблюдать за хаотичным перемещением облаков. Не верилось, что за ними может скрываться небесная синева. Откуда ей взяться, если в природе остались сплошь серые или бурые краски? Если бы не яркие пятна автомобилей и рекламных щитов, то Одесса казалась бы бесцветной, как акварель страдающего с похмелья художника.

Вот тебе и «жемчужина у моря», подумал Бондарь. Пасмурное небо над головой вроде бы ничем не отличалось от московского, под которым он находился каких-нибудь два часа назад, но оно все равно было чужим. И от него веяло неприязненным холодом.

Голавлев, проследивший за взглядом гостя из Москвы, позволил себе намек на улыбку.

– Десять лет назад, когда я только приехал в Одессу, – сказал он, – я сидел на этом самом месте и думал, что моя карьера кончена.

– А теперь? – полюбопытствовал Бондарь, цедя пиво из бокала.

– Привык. Мне здесь даже нравится.

– Да, спокойное местечко.

– Видимость, одна только видимость.

Несмотря на то, что Голавлев был одет в обычный костюм, бросалось в глаза, что тот сидит на нем как фрак на маститом дирижере. Породистое лицо, благородная седина – этот человек выглядел так импозантно, что Бондарю в его джинсах и кожанке было слегка неловко. Тем более что Голавлев, похоже, обладал способностью читать чужие мысли.

– Мой нынешний облик – тоже сплошная видимость, – неожиданно признался он. – На самом деле я прошел примерно такой же путь, какой прошли вы, молодой человек. Так что кошмары нас мучают одинаковые.

– У меня не бывает кошмаров, – заявил Бондарь, который, не далее как сегодня на рассвете, проснулся в холодном поту.

– Конечно, не бывает. – Это было произнесено с понимающей улыбкой. – Просто сны, обычные сны. Самое страшное в них – не умирать, а убивать. Слишком уж реалистичные картинки получаются. Прямо как наяву.

Бондарю такая проницательность не понравилась.

– Где мы можем поговорить о деле, Сергей Семенович? – сухо осведомился он. – Здесь? Или перейдем из этого кафе в другое? Чтобы полакомиться мороженым, например?

– А мы уже говорим о деле, – заверил его Головлев. – Болтать на отвлеченные темы для таких занятых людей, как мы с вами, – непозволительная роскошь.

– Это вы называете деловым разговором? – Бондарь выразительно приподнял брови, уставившись на кофейную чашку в холеных пальцах резидента.

Головлев тихонько засмеялся:

– Ситуация, как в том старом анекдоте... Останавливает приезжий одессита: «Вы не подскажете, как пройти на Дерибасовскую?» – «Подскажу, почему же не подскажу, – охотно откликается одессит. – Пойдете прямо, потом свернете направо, там увидите овощную палатку и Сонечку с толстой задницей, я ее когда-то имел. За палаткой свернете направо, пройдете два квартала, там Розочка газированной водой торгует, я ее тоже когда-то имел. Потом свернете налево, увидите трамвайную остановку. Сядете на седьмой трамвай, на третьей остановке выйдете, пересядете на одиннадцатый, доедете до конца. Там будет рынок, пойдете туда, найдете мясной ряд, купите себе гуся...» – «Зачем мне гусь? – изумляется приезжий. – Мне нужна Дерибасовская». – «Вот гуся и будете голову морочить, – отвечает одессит. – Зачем вы ее морочите мне, когда вы уже битый час стоите на Дерибасовской?!»

– Смешно, – сказал Бондарь. – Здесь, в Одессе, все такие весельчаки?

– Нет, – отрезал Головлев с неожиданно серьезным видом. – Здесь обитают самые разные люди. В том числе сотрудники как минимум тридцати различных спецслужб. В Москве, откуда вы прикатили, их, конечно, будет поболее, но и здесь зевать не приходится.

– Поэтому же вы рассказываете мне анекдоты?

– За те полчаса, которые мы просидели рядом, я успел составить ваш психологический портрет, молодой человек. – Головлев элегантно закурил длинную белую сигарету, подозрительно смахивающую на дамскую. – Возможно, вас не слишком интересует, с кем именно вам предстоит иметь дело, а я работаю по старинке. Взгляды, жесты, любимые словечки – все эти мелочи говорят о человеке значительно больше, чем его личное дело.

– И что же вам удалось выяснить обо мне? – полюбопытствовал Бондарь.

– Вполне достаточно, чтобы пригласить вас прогуляться по Дерибасовской.

– Хорошо, что не на рынок за гусем.

– Я тоже рад этому обстоятельству, молодой человек. – Положив на стол крупную купюру, Головлев с достоинством встал и указал на выход из кафе. – Прошу. Продолжим нашу во всех отношениях приятную беседу.

* * *

Несмотря на пасмурную погоду, улица была оживленной и многолюдной. По одной ее стороне расположились художники и торговцы всевозможными сувенирами. Ввиду отсутствия покупателей они лениво переговаривались друг с другом, и все как один казались персонажами спектакля про одесситов.

Привычно лавируя в потоке пешеходов, Голавлев вывел спутника на более спокойный отрезок улицы и замедлил шаг. Сложенный зонт в его руке смотрелся как тросточка утонченного джентльмена, прохаживающегося где-нибудь в районе лондонского Сити. Впечатление не испортило даже отсутствие котелка.

– Итак, – заговорил он, – ваша основная задача состоит в том, чтобы денно и нощно приглядывать за известным вам Григорием Ивановичем Пинчуком. Рисковать своими людьми я не имею права. – Голавлев покосился на спутника. – Не потому, что они в чем-то лучше вас, молодой человек. Просто каждый из них является винтиком единого сложного механизма, за бесперебойную работу которого я здесь отвечаю.

– Во-первых, не такой-то я молодой, – ворчливо напомнил Бондарь, поправляя сумку, висящую на плече. – Во-вторых, не стоит оправдываться.

– Разве кто-то перед вами оправдывается? – удивился Голавлев. – Вас вводят в курс дела, только и всего.

Это получилось у него неподражаемо. «Вас вводят в курс дела» – это же надо! Словно сиятельный вельможа зарвавшегося дворянчика на место поставил. Нечего и говорить, что Бондарю это не понравилось. Некоторое время он помалкивал, опасаясь ляпнуть какую-нибудь грубость. Прошло не менее тридцати секунд, прежде чем он почувствовал, что готов к продолжению диалога. Но даже после этого его тон нельзя было назвать приязненным, а выражение его глаз – дружелюбным. Будучи одним из лучших оперативников Управления контрразведывательных операций ФСБ, Бондарь умел скрывать свои чувства. Другое дело, что ему не всегда хотелось притворяться. А сейчас был именно такой случай.

– Украинские правоохранительные органы, разумеется, не при делах, – предположил Бондарь, избегая смотреть на собеседника.

Его взгляд был устремлен вперед. Как будто ответа он ожидал именно оттуда, а не со стороны шагающего рядом Голавлева.

Тот едва заметно усмехнулся:

– Ну, милиция везде одинакова. Надеяться на нее – все равно что уповать на помощь с небес.

– А местные спецслужбы?

– Национальные интересы не позволяют им действовать открыто. Поставили нас в известность о ходе следствия – и на том спасибо. Остальное зависит от нас. Точнее говоря: конкретно от вас, молодой человек.

В подтверждение сказанного зонт в руке Голавлева описал плавную дугу и указал на поморщившегося Бондаря.

– Вообще-то я не телохранитель, Сергей Семенович, – проворчал он. – Охранять бизнесменов – не мое призвание. Вот если бы наоборот... – Его палец совершил характерное движение, каким нажимают на спусковой крючок.

– Не думаю, что Пинчуку требуется квалифицированный телохранитель, – проигнорировал жест Голавлев. – Те, кто убил сыновей Григория Ивановича, могли бы с таким же успехом избавиться от него самого. По всей видимости, это не входит в их планы. Пока что на него просто оказывают давление.

– Кто?

– Они, как вы понимаете, не представились. Выдвинули по телефону требования, сопроводив их соответствующими угрозами. Когда Пинчук отказался, его ударили по самому больному месту. Крепко ударили, должен заметить. – Взметнувшийся и опустившийся зонт проиллюстрировал сказанное. – Есть все основания предполагать, что это – дело рук специалистов ЦРУ. Именно они заинтересованы в том, чтобы сделка не состоялась.

– Сделка? – переспросил Бондарь.

– Речь идет о крупной партии систем ПВО, которые должны быть проданы Ирану. – Слово «должны» Голавлев подчеркнул особо. – Министерство обороны не имеет права продавать системы напрямую, чтобы Россию не обвинили в поддержке иранского режима. Иначе нас насадят на ось зла, как на вертел, и поджарят до хрустящей корочки. Американская кухня, черт бы ее подрал. – Некоторое время они шли молча, после чего Голавлев подытожил: – Короче говоря, тут замешана большая политика, и Пинчук – лишь пешка в этой игре.

– Но пешка проходная.

– Вот именно. От нее во многом зависит исход сложнейшей партии, разыгрываемой на Ближнем Востоке. Без современного вооружения Иран и месяца не продержится против сторонников так называемых демократических преобразований – вам ясно, кого я имею в виду?

– Вполне, – ответил Бондарь, невольно перенивший светскую манеру общения, навязанную ему собеседником. – За примерами далеко ходить не надо. Сначала Афганистан, потом Ирак, Грузия, потом, наконец...

– Можете не продолжать, – строго произнес Голавлев. – *Продолжения быть не должно.* – Помолчав, дабы сказанное как следует отложилось в мозгу Бондаря, он заговорил вновь, и голос его звучал мрачно, словно он читал заупокойную молитву. – Без современных комплексов ПВО, таких как «Печора-2» или «Феникс», Ирану крышка. Все те колоссальные средства, которые мы вложили в эту страну, накроются...

– Медным тазом, – предположил Бондарь.

– Звездой, – возразил Голавлев в совершенно несвойственной ему грубой манере. – Вообще-то Россия планирует подписать совершенно легальный контракт на поставку систем противовоздушной обороны Ирану. Об этом уже заявил на недавней пресс-конференции наш вице-премьер. Он особо подчеркнул, что Россия намерена поставлять Ирану только оборонительные, а не наступательные системы вооружения. Однако дальше этого дело пока не пошло. Как говорится, воз и поныне там.

Бондарь раздраженно повел плечами:

– Я, конечно, не дипломат, но, по-моему, Россия и Иран – независимые страны, вольные строить свои отношения без оглядки на Запад. Почему же мы не продадим иранцам эти чертовы установки открыто? Иран не попадает ни под какие запреты и эмбарго, разве я ошибаюсь?

– Большая политика. – Голавлев произнес это так, будто речь шла о чем-то не совсем пристойном. – Выступление премьера было лишь пробным шаром. Чтобы понаблюдать за реакцией американцев.

– И какова же она была, эта реакция?

– Крайне негативная. Пришлось министру обороны тоже выступить и, как бы невзначай, обронить фразу о том, что между Россией и Ираном с момента подписания давней записки Гора—Черномырдина никаких новых военно-технических контрактов не существует.

– То есть мы пошли на попятный?

– Нет, просто сменили тактику.

– Это называется: юлить, – холодно заметил Бондарь.

– Это называется: поддерживать в мире дипломатический баланс.

Голавлев отвернулся, давая понять, что распространяться на эту тему не намерен. Лицо его приняло надменное выражение, хотя на душе скребли кошки, десятки кошек с прищемленными хвостами.

* * *

Государство, которому Голавлев служил верой и правдой, занимало стабильное положение в пятерке ведущих мировых экспортеров оружия после США, все сильнее опережая Вели-

кобританию, Францию, Германию и Израиль. По оценкам западных экспертов, доля России в общем объеме мировых продаж оружия доходила до десяти процентов.

Среди наиболее конкурентоспособных образцов выделялись экспортные модификации истребителей «Су». Российские вертолеты тоже расходились как горячие пирожки – и боевые «Ми-24», и транспортно-десантные «Ми-17» и учебно-тренировочные «Ми-34У». Огромным спросом пользовались зенитные системы семейства «С-300», переносные ракетные комплексы «Игла», дизельно-электрические подлодки класса «Кило», корабли на воздушной подушке «Зубр», «Мурена», «Чилим»...

Главными потребителями всего этого изобилия являлись Индия и Китай. Кроме того, в самое ближайшее время намечались крупномасштабные закупки новейшей военной техники российского производства Ираном. Ему перед угрозой американского вторжения экономить на вооружении не приходилось.

Казалось бы: производи, торгуй, богатей. Ан нет. Америка всеми правдами и неправдами стремилась вытеснить опасного конкурента с оружейного рынка. Ах, какой дипломатический скандал разразился, когда Кипр попытался приобрести российский комплекс ПВО «Сатана»! Вынужденные уступить нажиму США, киприоты приобрели гораздо менее совершенные и более дорогие американские комплексы «Пэтриот».

Соединенные Штаты действовали грубо и напористо. Россию же держали на коротком поводке, сердито одергивая ее всякий раз, когда она находила нового потребителя своего товара. Возня вокруг систем ПВО, предназначенных для продажи в Иран, была очередным тому подтверждением. Голавлева крайне раздражала эта ситуация, и он считал делом чести не допустить срыва сделки. Хотелось верить, что присланный из Москвы специалист сумеет переиграть противников из ЦРУ.

Голавлев внимательно ознакомился с личным делом капитана Бондаря и остался доволен прочитанным. Внешне москвич ему тоже импонировал. Подтянутый, собранный, аккуратный. Длинноватые для кадрового офицера волосы причесаны волос к волоску, пробор слева очерчен, как под линейку. Красивый, уверенный в себе мужик с твердым взглядом больших серо-голубых глаз. К сожалению, в глазах этих читалось явное пренебрежение к предстоящей ему миссии.

Нужно было во что бы то ни стало заставить Бондаря проникнуться важностью момента, и Голавлев делал все, что мог. Хотя ему казалось, что говорит он не то и не так.

Слов всегда меньше, чем чувств, которые ты пытаешься выразить. Пытаясь подобрать самые нужные, самые важные слова, Голавлев заговорил снова, и его лицо выражало все, что угодно, кроме начальственного высокомерия:

– Послушайте, капитан, не нужно ершиться. Постарайтесь понять: для нас очень важно, чтобы Пинчук-старший здравствовал как можно дольше, а его бизнес – процветал. Заметьте, он не просто случайный посредник, а доверенный человек Москвы. Причем весьма состоятельный: партия вооружения была приобретена на его собственные деньги. Иранцы действуют через аналогичную фирму, однако заплатят они не раньше, чем будет подписан договор, а договор находится на грани срыва. Американцы позаботились об этом. Не удивлюсь, если они предложат Пинчуку те же самые деньги, которые он рискует потерять.

– А я, – добавил Бондарь, – не удивлюсь, если подобное предложение уже было сделано и принято. Коммерсанты – ушлый народ. Ни за что не упустят своей выгоды.

– Маловероятно, но допустимо, – согласился Голавлев. – Это как раз еще одна причина, по которой вы должны стать ангелом-хранителем нашего бизнесмена. Человек, сломленный горем, способен наделать много глупостей. Постарайтесь, чтобы этого не произошло. Комплексы ПВО должны попасть по назначению. И те, которые приобретены одесской фирмой, и все остальные. Идет война. – На скулах Голавлева проступили и пропали желваки. – Это только кажется, будто бомбят Басру или Багдад. В действительности удары направлены по России.

- Пусть ярость благородная вскипает, как волна? – усмехнулся Бондарь.
- Выберите другой повод для шутки, и мы посмеемся вместе.
- Да уж поводов для шуток сколько угодно. Обхохочешься.

Мужчины остановились на продуваемой всеми ветрами площадке, откуда уходила вниз знаменитая Потемкинская лестница. Каждый, кто видел фильм «Броненосец Потемкин», неизбежно вспоминал эпизод с детской коляской, катящейся по этим ступеням от ошестинившейся штыками цепи солдат.

С самодержавием давно покончили, как, впрочем, и с пришедшим ему на смену социализмом. Вот только детская жизнь не стала цениться дороже. Люди, поднимающиеся и спускающиеся по лестнице, тоже мало изменились с тех пор. Разве что одеваться стали чуточку лучше. Радикальных перемен в их сознании не произошло. И, вздумай Христос совершить второе пришествие на землю, вряд ли его проповеди были бы услышаны и поняты лучше, чем три тысячелетия назад. Поэтому он никогда не вернется. Зато коляска с обреченным младенцем готова срывать с верхней площадки Потемкинской лестницы снова и снова.

* * *

Припустил холодный моросящий дождик. Головлев торжественно раскрыл зонт и предложил Бондарю укрыться под матерчатым куполом, но тот отказался. Так и стоял с непокрытой головой, чувствуя себя довольно-таки глупо.

Вместо того, чтобы повторить приглашение, Головлев закурил очередную сигарету, с наслаждением затянулся и, выпуская дым сквозь ноздри, сказал:

– Ваша миссия не должна ограничиваться охраной Пинчука. Нам бы очень хотелось выявить вражескую агентуру, действующую против него. Конечно, не чекистское это дело – в шпионском дерьме ковыряться, но вы все же попробуйте, молодой человек, авось повезет.

– Почему бы вам не обращаться ко мне по званию? – спросил Бондарь, успевший изрядно промокнуть под дождем.

Головлев пожал плечами:

– Потому что в Украине звание капитана ФСБ России вам ни к чему. Вы здесь инкогнито, разве это нужно оговаривать особо?

Сразу несколько ледяных капель попали Бондарю за шиворот, вынудив его поднять воротник куртки.

– Тогда с вашей стороны было опрометчиво показываться вместе со мной у всех на глазах, – сердито сказал он. – За вами может вестись наблюдение.

– О, конспирация – это лишь дань неким условностям, которые свято соблюдаются людьми моего круга. Сотрудник ЦРУ не кричит на каждом углу, что он выполняет свой профессиональный долг, а маскируется. То же самое вынужден делать я. Таковы правила игры.

– Кто мешает их нарушать?

– А кто мешает шахматистам сбивать фигуры противника щелчками, как при игре в «Чапаева»? – Головлев усмехнулся. – Назовите это профессиональной этикой.

– Или круговой порукой.

– Не имеет значения. Но если вы не будете следовать правилам, то Служба безопасности Украины будет просто обязана выслать вас из страны. Не лучший итог вашей миссии, учитывая, что представители иранской стороны появятся в Одессе со дня на день. Между тем Пинчук боится подписывать контракт, пока мы не покараем или хотя бы не обезвредим людей, убивших его сыновей. Иранцы же доверяют только своему проверенному поставщику и вряд ли сделают предоплату кому-либо другому.

– Восток – дело тонкое? – усмехнулся Бондарь.

– В первую очередь: подозрительное и коварное, и вам это должно быть известно не хуже, чем мне. – Щелчок, которым Голавлев отправил окурок в урну, как бы подвел черту под сказанным, после чего он заговорил совсем другим тоном – командирским, не терпящим возражений. – Короче говоря, Григорий Иванович вас ждет и надеется на вашу защиту. Не обманите его ожиданий. Наши ожидания тоже обманывать не следует. Мы не в состоянии прочесать всю Одессу, от Перес до Молдаванки, в поисках терроризирующих Пинчука мерзавцев. Гораздо легче выявить того, кто работает на них из окружения самого Пинчука. Информатор выведет нас на организаторов.

– Вы подозреваете кого-то конкретно? – осведомился Бондарь.

– Лично я подозреваю абсолютно всех, чего и вам желаю. – Голавлев достал из кармана конверт и протянул его спутнику. – Тут адрес офиса Пинчука, копия досье на него самого и кое-какие сведения о его сотрудниках. Документами и оружием вы снабжены, а что касается денег, то их вы получите у своего нового босса.

Бондарь нахмурился:

– Надеюсь, мне не придется выпрашивать подачку на задних лапках.

– Это уж как получится. Но если вы не готовы поступиться какими-то важными принципами, то никто не запрещает вам провести операцию за свой счет. – После этих слов Голавлев заулыбался, вернувшись к своей прежней светской манере общения. – Кстати, я забыл поинтересоваться, как вы находите Одессу? Довольно неприглядный городишко, не правда ли?

Назло ему Бондарь возразил:

– Напротив. Рай, суший рай. Летом обязательно вернусь сюда и сниму дачу на побережье, чтобы ходить на пляж в одних плавках.

– У, молодой человек! – саркастически воскликнул Голавлев. – Боюсь, что если вы снимете дачу на побережье, вам придется ходить в одних плавках не только на пляж, потому как вы моментально останетесь без штанов. – Он отвесил собеседнику весьма изящный, но вместе с тем ироничный полупоклон. – А пока что позвольте пожелать вам удачи. Она нужна вам сейчас, как никогда.

Закончив разговор на этой оптимистической ноте, Голавлев развернулся на каблуках и стремительно зашагал прочь, оставив Бондаря мокнуть под усилившимся дождем. Со стороны это выглядело так, будто Голавлева подхватил и унес пронизывающий черноморский ветер.

VI. Одесский олигарх в натуре

Бизнес не профессия, а образ жизни, сменить который почти невозможно. Добившемуся успеха обратного хода нет, разве что на паперть или в монастырь. Конкуренты никому не позволяют почивать на лаврах. Стоит расслабиться, как тебя тут же разорят, пустят по миру, смешают с дерьмом, а получившуюся субстанцию проглотят и не подавятся.

Впрягся, так тяни свою лямку до конца. Привыкни, что каждый из твоего окружения прячет за пазухой либо камень, либо кое-что похуже. Недосыпай, питайся на ходу, встречайся с семьей лишь по большим праздникам, забудь о таких понятиях, как любовь или дружба. Избавься также от наивного заблуждения, что деньги могут купить тебе счастье, покой или хотя бы здоровье.

Отечественный бизнес – крайне вредное занятие, отнюдь не продляющее жизнь. Измотанные нервы, стрессовые ситуации, ненормированный рабочий день, постоянная озабоченность своим финансовым положением, нелады с женой, наезды соперников, страх быть застреленным на пороге собственного дома... Все это и многое другое вряд ли способствует отличному самочувствию. Но зато неизбежно приводит к ранним инфарктам, инсультам, язвам и огнестрельным ранениям. Тому, кто хочет жить долго и беззаботно, лучше идти в пастухи или в пасечники. А бизнесмены гибнут в двадцать раз чаще шахтеров, профессия которых считается самой опасной среди всех прочих.

Зная все это, Бондарь не завидовал бизнесменам... но и не сочувствовал им. Никто не заставлял их заниматься коммерцией, никто не тащил за руку в большой бизнес, и, когда по телевизору показывали все новых и новых жертв рыночной экономики, расстрелянных среди бела дня, он не находил в своей душе ни малейшего намека на жалость. Вероятно, это было вызвано тем, что бизнесмены шли к успеху по точно таким же трупам, в которые они со временем превращались сами. Их не загоняли палкой на эту лестницу в небо. Они сами выбрали свой путь.

Необходимость опекать одного из людей этой породы не вдохновляла Бондаря. Тем более что добираться до офиса Пинчука пришлось двумя видами одесского транспорта, а это – серьезное испытание для приезжего. От бесконечной болтовни пассажиров у Бондаря разболелась голова. Можно было подумать, что одесситов постоянно снимали скрытой камерой, и это побуждало их соревноваться за звание записных остряков, уснащая свои беседы бесконечными шуточками и прибаутками.

«Ну как? Видели вчера концерт Пугачевой? Как она вам понравилась?»

«Мне в ней не понравились три вещи».

«Какие же?»

«Ее подбородок».

«А что еще?»

«Говорю же вам: ее подбородок. Он у Аллочки тройной».

И так далее, и тому подобное. Словно несколько часов без перерыва смотришь телепередачу «Аншлаг».

Лишь пройдясь пешком, Бондарь несколько пришел в себя, жадно дыша свежим после дождя воздухом. Сверяясь с табличками на домах, он в некотором недоумении остановился перед облупленным трехэтажным зданием. Это и был нужный ему адрес: улица Таманской дивизии, 19. Всего пара иномарок перед входом, загаженный газон, перекошенная входная дверь. Вместо солидной бронзовой таблички какой-то кусок картона за стеклом окна первого этажа. На нем выцветшая надпись: АОЗТ «МАРС». Казалось странным, что торговля современным оружием осуществлялась в таком непрезентабельном офисе, но это было именно так.

Как минимум половина дома была занята типичными одесскими квартирами. Сразу из нескольких форточек тянуло жареной рыбой и борщом, и из распахнутого балкона на третьем этаже звучал требовательный женский голос:

– Сема, пей кефир, чтоб ты сдох, тебе ведь нужно поправляться!

Мысленно пожелав неведомому Семе не утрачивать ни аппетита, ни бодрости духа, Бондарь проник в подъезд. Перешагнув через три ступени, он очутился перед внушительной бронированной дверью, которая почему-то оказалась распахнутой настежь. На ней красовалась уже знакомая вывеска «Марса», но не картонная, а бумажная, отпечатанная на черно-белом матричном принтере.

«Вот что значит коммерсант старой закваски, – сказал себе Бондарь, входя в офис. – Какой-то подпольный миллионер типа Корейко. Не чета нынешним, умеющим лишь пыль в глаза пускать».

И действительно, несмотря на недавний ремонт, помещение не отличалось ни роскошью, ни хотя бы просто солидностью. Обычная квартира, в которой даже не потрудились снести лишние перегородки. И почему-то рядом не было ни одного охранника, хотя в свете последних событий господин Пинчук должен был всемерно усилить меры предосторожности.

Войдя в комнату, служившую приемной, Бондарь обнаружил там по-южному яркую брюнетку, безмятежно занимающуюся маникюром. В стеклянной банке, поставленной прямо на допотопный ксерокс, пузырился включенный кипятильник. Слева от стола висел плакат с лоснящейся физиономией вечного оппозиционера Ющенко, справа находилась не менее лоснящаяся карта Украины. Когда брюнетка разомкнула сочно накрашенные губы, чтобы поздороваться с посетителем, один из ее боковых зубов полыхнул дивным золотым блеском.

– Добрый день, – сказала она. – Вы к кому?

– Добрый день, – откликнулся Бондарь. – Я к Григорию Ивановичу.

– Пожалуйста. – Брюнетка кивнула на дверь за своей спиной, в ее тщательно подведенных и оттененных глазах не промелькнуло ни тени удивления.

Зато Бондарь слегка оторопел, очутившись в кабинете. Ему показалось, что он попал на прием к председателю обкома. Обшитые дубовыми панелями стены, тяжелые портьеры, ковровая дорожка, ведущая к монументальному двухтумбовому столу. Этот Пинчук наверняка принадлежал к номенклатуре бывшего СССР и тосковал о прошлом, как можно было определить при самом беглом осмотре кабинета. Вот только самого хозяина нигде не было видно. Под столом он спрятался, что ли? Или за одной из своих пыльных портьер?

* * *

Машинально прислушиваясь к пришептыванию кондиционера, Бондарь сделал несколько шагов по кабинету, когда за его спиной раздался сухой и резкий, как щелчок взведенного курка, голос:

– Лег на пол, живо!

Повернувшись на голос, Бондарь обнаружил, что одна из дубовых панелей на стене исчезла, а в образовавшемся проеме стоит парень в белой рубашке, перетянутой галстуком. Слишком накачанный для клерка, к тому же вооруженный пистолетом. И имеющий неприятную привычку до предела выдвигать нижнюю челюсть при разговоре.

– Ложись! – повторил он.

– У Григория Ивановича странные понятия о гостеприимстве, – хмыкнул Бондарь, не спеша выполнить приказ.

До парня с пистолетом было не менее трех метров. Слишком большое расстояние для прыжка. Пуля преодолевает такую дистанцию во много раз быстрее, чем самый проворный человек.

– У тебя ровно три секунды, – сообщил парень.

«А у тебя?» – спросил Бондарь мысленно.

Выдавив из себя растерянную улыбку, он присел и уперся руками в пол, постаравшись при этом как можно больше сократить расстояние, разделяющее его и вооруженного противника.

– На пол! – прикрикнул тот.

– Так? – Бондарь принял стойку «упор лежа», не соприкасаясь грудью с паркетом.

– Не задавай дурацких вопросов.

Рядом с первым парнем возник второй, в такой же белой рубашке, однако при галстукке другой расцветки. Родимое пятно на его щеке напоминало сургучную печать. Он тоже держал в руках взведенный пистолет.

Широкие плечи обоих охранников соприкасались. Стоять рядом в дверном проеме им было тесновато, но они, похоже, привыкли действовать сообща – тот, что с волевой челюстью, и тот, что с родимым пятном. За их спинами можно было разглядеть часть полутемного помещения, служившего здесь чем-то вроде комнаты отдыха. Догадку Бондаря подтвердило продолжительное бормотание сливного бачка унитаза, доносящееся оттуда.

– У вашего шефа расстройство желудка? – спросил Бондарь. Его лицо, обращенное к парочке, выражало сочувствие.

– Заткнуться! Опустить голову! Не двигаться!

Это уже походило на истерику, а истеричных мужчин Бондарь не уважал. Даже вооруженных современными пистолетами. Даже обладающих крутыми подбородками.

Сделав стойку на руках, он на мгновение застыл вниз головой, после чего, как следует оттолкнувшись ладонями от пола, бросил туловище в направлении опешивших парней. Расставленные ножницами ноги одновременно ударили в две отвисшие челюсти, в унисон клацнувшие.

Парни даже вскрикнуть не успели.

Бондарь, завершивший кувырок, обрушился на них, как вихрь. Первым получил свое тот, который задумал вскинуть пистолет. Оглушив его расчетливым ударом под ухо, Бондарь уделил внимание второму охраннику.

Этот оказался более устойчивым. Лишь после того, как ему поочередно досталось локтем, кулаком и коленом, он мягко осел на пол, издав слабый стон, прежде чем отключиться окончательно. Ну, прямо барышня, сомлевшая от избытка чувств.

– Охраннички, называется, – прокомментировал Бондарь. – Хорошо, что хоть пушки со страху не побросали.

Процесс разоружения занял не более десяти секунд. Забирая у парней пистолеты, Бондарь поочередно сломал им указательные пальцы, застрявшие в предохранительных скобах. Нельзя сказать, что парни даже не пикнули, расставаясь с оружием. Приходя в себя от боли, они издавали протестующие вопли, но моментально умолкали, поскольку Бондарь, не церемонясь, лупил их по головам рукоятками их же собственных пистолетов.

– Извините, но некоторых лежачих очень даже бьют, – сказал он мужчине, застывшему на выходе из туалета. – Для их же пользы. Кстати, с кем имею честь?

Мужчина расщедрился лишь на невнятное карканье.

Обритый наголо, но зато с кустистыми седыми бровями, он беспрестанно шевелил пальцами, которые никак не могли справиться с «молнией» брюк. На его немолодом лице застыла смешанная гримаса страха и ненависти. С виду ему можно было дать лет пятьдесят пять, но Бондарь смело накинул еще десяток годков, уж слишком много пигментных пятен красовалось на лысом черепе мужчины. Когда они заметно потемнели на фоне побледневшей кожи, Бондарь вспомнил, что сжимает в руках оба конфискованных пистолета, швырнул их за спину и ободряюще улыбнулся:

– Не бойтесь, я не причиню вам вреда. Ведь вы Григорий Иванович?

– Гри... – выдавил из себя мужчина. – Ив...

– Пинчук?

– Пин... Да...

– А это, как я понимаю, ваши охранники. – Бондарь кивнул на бесчувственных парней, рубахи которых были уже не такими белоснежными, как минуту назад.

– Ох... охранники, – согласился Пинчук.

Надо полагать, он собирался сделать только один утвердительный кивок, но голова его совершила не менее пяти возвратно-поступательных движений, прежде чем Бондарь предложил:

– Может, пройдете в кабинет, Григорий Иванович? Только сначала прикройте дверь в туалет, если вас не затруднит. Этот запах не слишком располагает к беседе. Закончился освежитель воздуха?

Пинчук хотел было что-то ответить, но его опередил охранник, все это время валявшийся на пороге комнаты отдыха. Вскочив на ноги, он издал воинственный клич и попытался боднуть Бондаря в живот.

Пришлось посторониться, пропуская его в глубь кабинета. Развернувшись к проскочившему мимо противнику, Бондарь предупредил:

– Кончай это. После драки кулаками не машут.

– Машут! – сипло возразил ринувшийся на него охранник.

Исполнив пируэт с высоко задранной ногой, он нанес ею удар. Бондарь отклонился. Ботинок охранника врезался в дубовую панель с такой силой, что напольный плинтус побелел от осыпавшейся штукатурки.

– Х-ха! – Охранник в лопнувших по швам брюках приготовился лягнуться еще раз.

Дважды впечатав кулак в его солнечное сплетение, Бондарь рубанул ребром ладони по мощному загривку, проследил за шумным падением противника и удовлетворенно кивнул:

– Перекур. – С этими словами он действительно достал сигарету, поднес к ней зажигалку и, поглядывая на Пинчука сквозь облачко сизого дыма, предложил: – Проходите же в кабинет, Григорий Иванович. Больше нам никто не помешает.

Пинчук уже успел справиться с «молнией» брюк, а пигментные пятна на его коже приобрели естественный ржавый оттенок.

– Я могу отказаться? – спросил он, держась неестественно прямо.

– Нет, – заверил его Бондарь.

– Тогда зачем задавать лишние вопросы, не понимаю?

* * *

Минут через десять, когда Голавлев подтвердил по телефону, что слышит в трубке голос именно того человека, который должен обеспечить Пинчуку безопасность, атмосфера в кабинете изменилась в лучшую сторону. Этому способствовало также исчезновение горе-охранников, которым пришлось поднимать свое оружие неповрежденными левыми конечностями.

– Вы сломали им руки? – спросил Пинчук, когда дверь за ними закрылась.

– Всего лишь пальцы, – заверил его Бондарь. – Указательные.

– Напрасно вы с ними так.

– А мне кажется, что урок пойдет им на пользу. Меньше будут в носу ковыряться.

– Напрасно, – повторил Пинчук. – Они хорошие ребята.

– Разве есть такая профессия – «хорошие ребята»? – удивился Бондарь. – Вы платите им деньги именно за это?

– Мои телохранители...

– Как могут охранять *чужие* тела те, кто не в состоянии уберечь *собственные*? – Удостоверившись, что собеседнику нечего ответить на этот вопрос, Бондарь, не переводя дыхания, задал следующий: – Кстати, сколько всего охранников вы кормите?

– Это не рыбки, чтобы их кормить, – сварливо сказал Пинчук.

– Но и не несчастные сироты, чтобы их содержать.

– Вы приехали учить меня уму-разуму?

Бондарь примирительно улыбнулся:

– Я приехал помочь вам, чем смогу. А для этого я должен получить ответы на некоторые вопросы, только и всего. Один из них уже задан. Сколько человек вас охраняет?

Прежде чем ответить, Пинчук подергал себя за кустистую бровь:

– До последнего времени я вообще обходился услугами одного телохранителя. По сути дела он исполнял обязанности водителя и... мнэ-э... адъютанта.

– Денщика, – утончил Бондарь. – Вы что, совсем не заботились о своей безопасности?

– Времена бандитских разборок давно закончились. – Пинчук взялся за вторую бровь. – Кроме того, мой статус защищал меня лучше всяких пистолетов. Еще недавно я даже не закрывал автомобиль на улице. Никто в Одессе не осмелился бы посягнуть на мою собственность.

– Потому что он был бы примерно наказан, так?

– Естественно. Ему бы голову оторвали.

– Вот видите, а вы говорите, что времена бандитских разборок закончились, – укоризненно сказал Бондарь. – Кто обеспечивает вам «крышу»?

– Это к делу не относится, – отрезал Пинчук. Его лысый череп воинственно наклонился, когда, опершись обеими руками на ручки кресла, он подался вперед. – Моя крыша – это только моя крыша.

– Я просто хотел сказать, что она совсем худая. Протекает.

– В смысле?

– В смысле, каплет. Кап-кап.

Бондарь многозначительно посмотрел вверх.

– Вы о чем? – Пинчуковские глаза тоже машинально поднялись к потолку.

Пришлось разъяснить:

– Кто-то сливает информацию о вас.

– Быть того не может!

– Позвольте с вами не согласиться, – сказал Бондарь. – Кто именно вас прикрывает?

Пинчук с шорохом погладил свой пятнистый череп.

– Честно говоря, все возникающие проблемы мне помогает решать наша доблестная милиция, но там никто не осведомлен о характере моих сделок. Я отстегиваю замначальнику УВД чисто условную долю от чисто условной прибыли, и мы оба довольны друг другом. Это мой старинный приятель. В свое время я председательствовал в райисполкоме, так что у меня сохранились полезные связи.

– Не такие уж полезные, – заметил Бондарь, – учитывая переплет, в который вы попали.

– Да-да, – согласился Пинчук, плечи которого поникли. – Даже не знаю, как быть. Я устал жить в постоянном страхе. После того, что случилось с Тарасиком и Андрюшей, я вздрагиваю от малейшего шороха, скрипа двери или телефонного звонка... Как я должен к вам обращаться?

– Меня зовут Бондарь, Евгений Бондарь.

– Ох, Женя, не дай бог вам пережить такое. Половину жизни растишь деток, вторую половину жизни жалеешь об этом.

Пригорюнившийся Пинчук закрыл ладонью глаза, но тут же опомнился и выпрямился в кресле. Было видно, что сломить его окончательно пока что не удалось, но все же это уже не тот сильный, уверенный в себе человек, каким он хотел казаться.

– Я помогал вашей организации на протяжении нескольких лет, – прошептали его губы. – Теперь вы должны помочь мне.

– Я здесь как раз для этого, – напомнил Бондарь.

– Тогда слушайте, – сказал Пинчук, нахохлившись в кресле. – Все началось после моего возвращения из Ирана. Там был подписан протокол о намерениях, то есть я в принципе договорился с иранцами о продаже первой партии систем противовоздушной обороны. На третий день после этого мне позвонили. Мужской голос потребовал, чтобы я отказался от контракта. – Пинчук прочистил горло коротким кашлем, похожим на собачий лай. – Я послал его на три, четыре и даже на пять букв. Последовали новые телефонные звонки, сюда и домой. На некоторые из них пришлось отвечать Ксюше. Она жутко перепугалась, бедняжка. У нее началась бессонница, пропал аппетит...

– Кто такая Ксюша? – перебил рассказчика Бондарь.

– Да уж не кошка, – ответил Пинчук. – Моя жена. Оксана.

– Как она пережила смерть Андрея и Тараса?

– Стоически, – гордо ответил Пинчук. – А ведь в ее возрасте любые потрясения воспринимаются особенно болезненно. Двадцать пять лет. Молодо-зелено.

– Стоп, стоп! – воскликнул Бондарь, заподозрив, что он плохо вник в суть дела. – Сколько же лет было вашим сыновьям?

Его голос звучал взволнованно. Ему представились два румяных бутуза в подгузниках, к которым подкрадывается мрачный тип, держащий в руке пузырек с синильной кислотой.

– Тарас был чутьчку младше Оксаны, – смущенно признался Пинчук, – зато Андрюша – старше. Их родная мать давно умерла.

– Значит, Оксана приходилась сыновьям мачехой?

– Да, а что здесь такого?

– Продолжайте, – попросил Бондарь, решив вернуться к этой теме позднее.

Пинчук принялся бесцельно перебирать бумаги, разбросанные на столе:

– Угрозы продолжались вплоть до последнего дня. Сообразив, что переубедить меня не удастся, эти выродки убили моих мальчиков. Сразу обоих. Если бы они предупредили меня об этом заранее, я бы услал детей из города. Но все произошло так внезапно...

«Беда всегда неожиданна, – подумал Бондарь, – особенно для тех, кого она настигает».

– Что случилось потом? – спросил он.

Голос Пинчука задрожал:

– В день похорон мне опять позвонил какой-то тип. Он высказал мне свои сволочные соболезнования и намекнул, что следующий на очереди я сам. Прощаясь, нахально поинтересовался, мучают ли меня угрызения совести за то, что я не сумел уберечь своих сыновей. Ублюдок! Хотел бы я до него добраться!

Пинчук стиснул пальцы вокруг невидимого горла неведомого врага. Его дыхание сделалось затрудненным, как у астматика. Желание отомстить за смерть сыновей пересиливало страх за собственную шкуру.

Бондарь понимал его чувства и ценил их.

– Что случилось потом? – мягко спросил он, закуривая новую сигарету.

Пинчук провел рукой по глазам:

– Пару дней я оплакивал Тараса с Андрюшей. Все было, как в тумане... Потом позвонили мужики из вашей конторы, пообещали прислать надежного человека, который разберется с убийцами. Но незадолго до появления этого человека, то есть вас, Женя, раздался еще один звонок. Мне посоветовали отказаться от услуг московского Джеймса Бонда и опять пригрозили расправой, особо подчеркнув, что это предупреждение последнее. Таким образом, у меня есть трое суток на размышление.

– Забавно, – вырвалось у Бондаря.

– Что именно вам кажется забавным? – спросил Пинчук, к которому вновь вернулась способность язвить. – Сходите к могилам моих мальчиков, и ситуация сразу представится вам в ином свете, уверяю вас.

– Я хотел сказать, что меня удивляют методы шантажистов. Вас проще убить, чем запугивать. Ведь, насколько я понимаю, без вашего участия сделка не состоится?

– Ай, какое заблуждение, Женя. Эти мерзавцы преследуют сразу две цели. Во-первых, они заботятся о том, чтобы самонаводящиеся комплексы ПВО не достались иранским Вооруженным силам. Во-вторых, убеждают меня продать партию некой курдской организации, название которой вылетело у меня из головы. – Пинчук похлопал себя по лысому черепу. – Нужно быть полным идиотом, чтобы не унюхать тут запах большой политики. А я далеко не идиот, Женя. Во всяком случае, не полный. Так что зарубите себе на носу. – Пинчук обрушил грудью на стол, перейдя на свистящий шепот. – У вас тоже есть только трое суток на то, чтобы взять ситуацию под свой контроль. Если за это время убийцы моих сыновей не понесут наказание, я подпишу договор хоть с курдами, хоть даже с самим Масхадовым, чтобы насолить Кремлю. И плевать мне на вашу грозную контору, Женя. Выгода должна быть обоюдной, иначе это не бизнес, а...

– Жизнь, – обронил Бондарь, давая окурочек в пепельнице. – Обычная жизнь, в которой ничего не отмеряется поровну. И которой, несмотря ни на что, дорожат как полные, так и неполные идиоты.

– Тогда можете считать меня исключением из правил, – произнес Пинчук, брови которого ошетинились подобно парочке воинственно настроенных гусениц. – Я не так уж дорожу жизнью.

– А своим бизнесом, Григорий Иванович?

– Тем более. Эта сделка с системами ПВО – последняя в моей биографии. Я отхожу от дел. Хотите помочь своим иранским друзьям, так сначала помогите мне. Нет – идите все в жопу. А умереть я не боюсь. – Пинчук порывисто махнул рукой. – Пережить собственных детей гораздо страшнее, ясно вам?

– Ясно, – коротко подтвердил Бондарь и закурил снова.

Перед его мысленным взором возникли лица жены и сынишки, со дня гибели которых не минуло и года. Пережить их было действительно страшнее, чем умереть, но Бондарь умел выживать при любых обстоятельствах. Так его учили. Правда, иногда оставалось лишь пожалеть об этом.

* * *

Пока Бондарь молча курил, Пинчук вспоминал цепочку событий, приведших его к трагическому финалу.

Когда он только начинал свой бизнес, в российской системе торговли оружием назрели кардинальные перемены. Несмотря на существование «Рособоронэкспорта», все новые и новые конкуренты норовили обойти государственного монополиста на крутых виражах кремлевских коридоров.

В ту пору централизация торговли оружием через госпосредника была подчинена одной-единственной цели – сосредоточению прибылей в определенных руках, одна из которой была беспалой, но все равно весьма загребушей. Злые языки утверждали, что на вырученные деньги проводилась предвыборная кампания Сами-Знаете-Кого, понимаешь. «Рособоронэкспорт» трансформировался в чудовищную бюрократическую структуру с многотысячным штатом сотрудников. Фактически появилось новое министерство. Бумажная волокита, многочисленные проверки, затягивание сроков проведения контрактов отпугивали покупателей, которые

не были готовы платить непомерные взятки и ждать поставок оружия по несколько месяцев, а то и лет.

Тогда-то на арене и появились новые игроки. Комитет по военно-техническому сотрудничеству начал выдавать лицензии на право поставок оружия абсолютно посторонним юридическим лицам. Первыми урвали свой кусок пирога оборотистые мужики из научно-производственного центра «Прибор», а к началу 2000 года в списке претендентов значилось уже около пятидесяти предприятий. Если бы все они получили право на самостоятельную торговлю оружием, «Рособоронэкспорт» лишился бы львиной части прибыли, достигающей четырех миллиардов долларов в год.

Кому охота терять такие деньги? Оборонщики сблизили свои мудрые головы, пошептались, попили водочки и создали разветвленную посредническую систему, охватывающую всю территорию бывшего Советского Союза. На суконно-протокольном языке это называлось «трансформацией из торгового посредника в инвестиционное агентство военно-промышленных концернов и холдингов». В действительности это означало, что темные лошадки вроде Пинчука получили доступ к торговле российским оружием, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Украинские, белорусские, казахские и даже молдавские фирмы стали чем-то вроде коммивояжеров, лихо сбывающих продукцию российской «оборонки» направо и налево, без всяких взяток и волокиты. Подобное нововведение позволило «Рособоронэкспорту» обставить всех менее расторопных конкурентов и фактически сохранить монополию на оружейном рынке. Пинчук и сотни других аналогичных предпринимателей моментально обогатились, позабыв те унылые времена, когда зарабатывали на экспорте цветного лома или импорте куриных окорочков.

Никто из них не думал тогда, что оружие представляет угрозу не только для тех, против кого оно направлено. А когда до Пинчука дошла эта простая истина, менять что-либо было поздно. Бронепоезд не стоял на запасном пути, он на всех парах летел вперед, и остановить его было невозможно. Разве что выпрыгнуть на ходу, с риском свернуть шею. И Григорий Иванович Пинчук чувствовал себя стоящим на подножке.

– У вас и у меня есть трое суток, – повторил он, выводя собеседника из задумчивости. – Ни дня больше, ни минуты, ни секунды! Вы меня слышите, Женья?

Бондарь уставился на него невидящими глазами.

– Трое суток – подходящий срок, – сказал он наконец. – Главное – подобный ультиматум избавляет меня от необходимости нянчиться с вами с утра до вечера, Григорий Иванович.

– Я тоже был счастлив с вами познакомиться, – съязвил Пинчук. – Нашу встречу можно считать на этом законченной?

– Она в самом разгаре. У меня к вам еще масса вопросов. Первый: кто из ваших сотрудников был в курсе того, что вы собираетесь подписать контракт с иранцами?

– Да все, буквально все. Но сейчас они отправлены в отпуск без содержания.

– Как давно?

– Им было объявлено об этом на поминках. Не могу сказать, что они были счастливы.

– Ну, на поминках вообще не принято проявлять веселье, – пробормотал Бондарь. – Ладно, оставим ваших сотрудников в покое. Они ведь не могли знать о предстоящем визите московского Джеймса Бонда? Так, кажется, назвал меня звонивший?

– Он сказал: «сраный московский Джеймс Бонд», – уточнил Пинчук, оставшийся, несмотря ни на что, прирожденным одесситом.

Глаза Бондаря заметно сузились:

– Вы предупреждали о моем визите секретаршу?

– Милочку? Зачем забивать ей голову всякими глупостями?

– Как насчет Оксаны?

– У меня от нее секретов нет.

– Это-то и плохо.

– Вы с ума сошли! – выпалил Пинчук. – Я доверяю ей, как самому себе.

На лице Бондаря отразилось глубочайшее сомнение:

– Женщине?

– А вы полагаете, что я женат на мужчине?

Голова Бондаря качнулась из стороны в сторону:

– Лично мне еще не встречалась женщина, которой можно было бы доверить даже самую малюсенькую тайну. На сколько лет Оксана моложе вас, Григорий Иванович? И какой капитал она унаследует в случае вашей смерти?

– Прекратите свои гнусные намеки! – заорал Пинчук, на щеках которого отчетливо проступили склеротические прожилки. – Оксана, может быть, и не пылает ко мне страстью, зато предана мне, как... как...

– Как кошка, – подсказал Бондарь. – Кошка, которая ценит комфорт, а не тех, кто ей этот комфорт создает.

– Вздор!

– Есть возможность проверить это. Давайте скажем Оксане, что договор с иранцами уже подписан? Вы ведь целиком и полностью доверяете своей жене. Следовательно, ничем не рискуете.

– Отстаньте от меня со своими глупостями...

Пинчук вынул из кармана мятый носовой платок и вытер лоб, занимавший на его голове гораздо больше пространства, чем у тех, кто носит шевелюру. Его обвисшие щеки тряслись.

Бондарь понял, что задевать самую болезненную струнку Пинчука пока больше не стоит.

– Может быть, – предложил он, – вы сами поделитесь со мной своими соображениями, Григорий Иванович? Мне пригодится любая зацепка.

Пинчук спрятал платок и глухо сказал:

– Я знаю, что в ту ночь, когда был убит Андрей, он был в казино с одной тамошней шлюшкой. На допросе в милиции она заявила, что видела убийцу и могла бы его узнать. Это был симпатичный брюнет с бакенбардами. Довольно молодой. В цветастой рубашке.

– Как найти эту шлюшку?

– Она танцовщица при казино «Жемчужина» на улице Бебеля, ее зовут Маргарита Кац, Марго. Я на всякий случай выяснил ее координаты. – Продиктовав адрес, Пинчук нетерпеливо заерзал в кресле. – Другие вопросы есть?

Бондарь внимательно посмотрел на него:

– Есть, Григорий Иванович, конечно, есть. И чем дольше мы будем общаться, тем больше будет возникать вопросов.

– Жаль, – вздохнул Пинчук. – Признаться, ваше присутствие начинает меня тяготить.

– То ли еще будет, – лучезарно улыбнулся Бондарь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.